

Пусть
ПОМНИТ
мир спасённый

1941-1945 годы были временем массового героизма советского народа, защищавшего родное Отечество. Это – особые страницы, вписанные кровью в историю нашей страны, в историю Великой Отечественной войны. И автором многих страниц были люди, впоследствии отдавшие свою молодость и зрелость предприятию по имени Ленинградская атомная электростанция, где им пришлось преодолевать уже мирные рубежи, строя и эксплуатируя самый мощный в России атомный гигант.

Книга, которую вы держите в руках, составлена из воспоминаний работников Ленинградской атомной станции – участников Великой Отечественной войны, а также из рассказов детей блокадного Ленинграда и тех, кому пришлось ребенком испытать все ужасы и трудности войны, проживая невдалеке от осажденного города.

Это издание подготовлено совместными усилиями небольшого творческого коллектива: сотрудников Центра информации атомной станции и совета ветеранов ВОВ и детей блокадного Ленинграда – бывших работников ЛАЭС.

Создавая книгу «Пусть помнит мир спасенный...», редакционный коллектив по мере возможности сохранил стиль авторов воспоминаний, их слог, непосредственное отношение к далекой теперь уже истории.

Книга посвящена всем, кто выжил в той страшной войне, кто отдал свою жизнь, отстояв независимость родного Отечества. Это подарок тем, кто оставил в ней свои воспоминания, их родным, а также подрастающему и будущему поколениям, которые не должны забывать, что пришлось пережить их дедам и прадедам. Пусть знают и помнят они, какими героями были их предки.

Ленинградская атомная станция дарит книгу воспоминаний «Пусть помнит мир спасенный...» своим ветеранам в честь 60-летия прорыва блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Быстров Николай Михайлович

Память

Поколеньем спасенным нас назвали когда-то.
Теперь у нас внуки, и легла на виски седина,
Но память, но память, но память, ребята...
Какою жестокой бывает она!
Все, что было тогда, снова вдруг повторяется.
Вновь я вижу ночами тревожные сны,
Детство мое до сих пор не кончается,
До сих пор я ночами бегу от войны!
И в снах моих Ладога вновь вздымается волнами
От причалов уходит в судьбу пароход.
И вижу я: Кукла!
 С глазами огромными
На гребне волны рядом с нами плывет.
Нас много на палубе.
 Дети тянут к ней руки,
— Катюшка! Спасите!
Она же умрет!
Но всё заглушают зловещие звуки:
Коршуном в небе чужой самолет.
Вот он падает с воем...
 Словно рушится небо!
Вскипает вода!
 Накренившись, горит пароход...
Дети тонут!
 В огне!
Это быль или небыль?
Лишь в волнах обгоревшая кукла плывёт.
Мне снятся кошмары.
Голод. Блокада.
Дрожу как в ознобе...
 За душу хватает мороз!
И кричу я как в детстве:
 — Не надо! Не надо!
В глазах моих влага непрошенных слёз.
Поколеньем спасенным
 мы зовемся, ребята!
И вновь Ленинград.
 Летний сад.
 И весна!
Но память рисует то,
 Что было когда-то.
Какою жестокой бывает она!

Владимир Яковлевич Солнцев

В. Я. Солнцев родился в 1924 году в деревне Большая Ижора Ораниенбаумского уезда. В июне 1941 года, когда началась война, вместе с одноклассниками хотел уйти добровольцем на фронт, но их направили в истребительный отряд. В действующую армию В. Я. Солнцев был мобилизован в 1942 году. В составе минометного полка РКК в январе 1943 года участвовал в прорыве, а в январе 1944 года — в полном снятии блокады Ленинграда. Затем воевал в составе 2-го и 3-го Прибалтийских и 4-го Украинского фронтов. Участвовал в освобождении Венгрии, Польши, Чехословакии. Войну закончил 15 мая 1945 года в окрестностях Праги.

Ратный труд В. Я. Солнцева был отмечен орденами Отечественной войны 1 и 2 степеней, двумя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За освобождение Праги» и другими.

Последующие четверть века своей жизни В. Я. Солнцев отдал службе в Советской Армии, служил в ракетных войсках стратегического назначения. Уволился в запас в 1971 году в звании подполковника. Затем 26 лет работал на ЛАЭС и вел большую общественную работу — был бессменным председателем совета ветеранов Ораниенбаумского плацдарма, активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи.

4 января 2002 года Владимира Яковлевича Солнцева не стало, он скончался на 78 году жизни после тяжелой продолжительной болезни.

ГОДЫ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Перед войной мы жили в Большой Ижоре. В 41-м я успел закончить только девятый класс и должен был пойти в десятый, но началась блокада Ленинграда.

Той осенью я стал бойцом 79-го истребительно-го батальона, входившего в состав частей и соединений, оборонявших Ораниенбаумский плацдарм. Фашисты, убедившись, что вдоль южного берега Финского залива к Ленинграду не пройти, устремились по Таллинскому шоссе к Петергофу.

На нашем участке фронта наступило сравнительное затишье, и батальон перебросили к Ладоге. Стали мы морскими пехотинцами. Во время прорыва блокады под Шлиссельбургом я командовал отделением радистов. В сентябре 43-го был уже сержантом.

Ближе к зиме нас скрытно на самоходной барже перебросили в родной Ораниенбаум, а оттуда — на Таменгонский участок Приморской группы войск, которой командовал генерал Астнин. Здесь готовилась к окончательному прорыву блокады Ленинграда 2-я Ударная армия генерала Федюнинского.

1-го января 1944 г. после мощной артподготовки под звуки «Интернационала», исполняемого сводным оркестром, мы обрушились на врага, создавшего сильную оборону у села Гостилицы. Схватка была жестокой. Когда же, наконец, мы ворвались в село, чуть ли не на каждом шагу лежали трупы гитлеровцев и валялись искореженные вражеские орудия и техника. В ночь с 18-го на 19-е января в Ропше мы соединились с войсками 1-й Ударной армии, наступавшей от Пулковских высот. 350-тысячная петергофско-стрельнинская группировка немцев оказалась в прочном кольце.

В ту пору я уже воевал в составе 281-го минометного полка 2-й армии. Наше наступление развивалось на Гдов и Псков. Зима была снежная, сугробы — по пояс. Артиллерия отстала, в батальоне оставалось по 80 бойцов. Пришлось нашим войскам под Псковом остановиться, и несколько месяцев мы готовились к штурму этого старинного города, который удалось освободить лишь к осени.

Потом были Тарту, Рига, Закарпатье... С частями и соединениями 4-го Украинского фронта мы освобождали Чехословакию. Война для меня закончилась 15 мая 1945 года, ведь и после капитуляции Германии одна из крупных группировок гитлеровцев не сложила оружия и продолжала вести бои с Красной Армией. Пришлось, как мы тогда шутили, вразумлять противника. Вразумили! И после 15-го мая в наш тыл нескончаемой чередой потянулись колонны военнопленных.

Константин Федорович Корягин

Воевал на Ленинградском и I-м Прибалтийском фронтах в должности командира отделения морской пехоты. Участник обороны и снятия блокады Ленинграда, освобождения Прибалтики.

ОСТРОВ-КРЕПОСТЬ

Войну я встретил в Кронштадте, где учился в ремесленном училище — здесь готовили из подростков слесарей по ремонту артиллерийских установок.

Работать меня направили в 60-й цех 25-го завода, где ремонтировали пушки. Но во время одного из налетов фашистской авиации в наш цех угодила сброшенная с самолета торпеда. Целили гитлеровцы в стоявшие в Кронштадте корабли Балтфлота, а попали в здание цеха. Уцелел от него лишь фундамент.

Но мы не остались без дела. Ремонтировали в мастерских торпедные катера, снаряжали к высадке на тендерах петергофский десант, которым командовал полковник Ворожилов. Операция эта, к большой горечи, окончилась неудачей. Почти все десантники, переправлявшиеся на южный берег залива под огнем противника, погибли.

В ноябре 42-го мой 25-й год призвали в армию. Было нам по 17 лет. Планировали послать нас учиться в Свердловское танковое училище, но первая же баржа с буксиром не дошла до Лисьего Носа. Гитлеровцы разбомбили их, пустили на дно. И адмирал Трибуц, командующий Балтфлотом, приказал оставить нас в Кронштадте. В учебном отряде

готовили из нас мотористов торпедных катеров, в марте 43-го выпустили. Но не пришлось мне подняться на палубу боевого корабля.

4-я Отдельная бригада морской пехоты вернулась после боев на Невском пяточке изрядно потрепанной и нуждалась в пополнении. Нас влили в ее состав, а саму бригаду переименовали в 260-ю ОБМП. Охраняли мы

Кронштадт, а за два месяца до контрнаступления в 43-м году нас перебросили на р. Воронка. Освобождали южное побережье Финского залива, дошли до Усть-Нарвы.

После разгрома фашистских войск под Ленинградом участвовал я в Выборгской операции, в освобождении островов Балтийского моря.

Моя профессия слесаря, полученная в военное время, пригодилась мне и в мирной жизни. С 1973 года и до выхода на пенсию я работал в турбинном цехе Ленинградской АЭС семнадцать лет.

Семён Петрович Иванов

ОРДЕН СЛАВЫ ДАВАЛИ НЕ КАЖДОМУ

Самая дорогая и ценная из моих боевых реликвий — орден Славы — награда, которую на фронте давали не каждому.

Пришлось мне на войне хлебнуть немало лиху!.. С сорокового года служил я под Таллином. Оттуда вместе с кораблями Балфлота совершал тот самый печальный переход, когда фашистам удалось немало наших транспортных судов пустить на дно. Вот я и вышел из Таллина на одном корабле, а на Котлин мы пришли уже на третьем.

Про оборону Ленинграда, про то, каково было первые два военные года в Кронштадте, думаю, наслышаны все. Повторяться не стану. Лучше про снятие блокады расскажу.

Во 2-ю Ударную армию, готовившуюся к прорыву блокады, я пошёл добровольно. Был я разведчиком. В тыл к фашистам ходил. Сами понимаете, дело это непростое. У немцев каждая высота, каждая тропка пристреляны были. Везде — посты, снайперы, засады. Но мы ухитрились пройти мимо засад и постов, не попасть под пулю снайпера и вернуться с вражеским «языком». Очень уж нужны они были при подготовке к наступлению. Потому и удалась операция, начавшаяся 14 января

1944 года, что наша армия не только сумела большие силы в кулак собрать, но и имела довольно основательное представление о противнике.

От горы Колокольной, откуда наши части пошли на прорыв, наступали мы до Нарвы. Ранило меня, но я вернулся в строй. Негоже солдату по госпиталям мотаться, когда войну заканчивать надо! Брал Таллин и потом — Лиепаяю, остров Мозель освобождал...

А после войны работал на Ручёвском рыбоконсервном заводе, строил ЛАЭС и трудился до пенсии на атомной станции. Общий трудовой стаж 60 лет.

Николай Иванович Гашанин

Война нагрянула в Бабино, что в Киришском районе Ленинградской области, жарким августовским днем 1941 года. Была суббота, когда наша большая семья, переделав все дела, села обедать...

И вдруг слышим крики, шум. В окно глянули — с другого конца деревни бегут наши солдаты, с деревенскими вперемешку, кричат: немцы, немцы. Мы мигом в огород и в погребе укрылись. Прилипли к окошечку, через некоторое время видим — идут квадратом, чеканя шаг, немецкие солдаты. Рукава закатаны, автоматы на груди, точь-в-точь как в кино сейчас показывают. Прошли по главной улице, даже шага не замедлив, только пыль клубилась. Мы из погреба да за стол — доедать. Едва успели, как показались легкие танки. Тут уж от дома к дому (ни радио, ни света не было) понеслось: всем в лес. Всей

деревней и двинулись. А в лесу (к войне, видно, готовились) были землянки вырыты. В трех вся деревня и разместилась.

Через неделю нас оттуда немцы выгнали, и пришлось снова в деревню возвращаться, а там уже немцы стояли. До ноября кое-как жили, перебиваясь старыми запасами, да и немцы, правда, подкармливали. У них полевая кухня стояла посреди улицы, и, когда

мы подходили со своими котелками, они нам не отказывали. Но так было до 7 ноября, а потом, когда им поддали под Москвой, то они обозлились и нас уже не кормили.

Однажды декабрьской ночью к нам в дверь постучали. Мы прямо обмерли — вошли трое в маскхалатах. Это были наши разведчики, как я потом узнал, из 311-й Двинской дивизии, прославившейся затем во

многих сражениях. Один из них был Калинин — знаменитый разведчик, которому было присвоено звание Героя Советского Союза, но до Победы он не дожил. Вошедшие сказали нам: «Скоро мы вас освободим, наша дивизия готовится к наступлению».

И действительно, 25 декабря 1941 года части дивизии вошли в деревню, а жителей стали эвакуировать, потому что предстояли жестокие бои.

А перед этим — никогда не забуду — гнали наших пленных с Волховского фронта. Раздетых, разутых в 30-градусный мороз, голодных. Шли они нескончаемым потоком три дня и три ночи. Сердце разрывалось на них глядя, а подойти нельзя, по бокам немцы с собаками.

Повезли, значит, нас на телегах на станцию Глажево, чтобы эвакуировать в тыл. По дороге мы с Ленкой, это мой дружок, решили бежать и стать разведчиками. Тогда все мальчишки хотели быть разведчиками, как сейчас шварценеггерами. Решили — сделали. Из обоза сбежали и вернулись в деревню. Ленка к своим пошел, у него много родни было, а у меня — никого, и дом сгорел, поэтому стал я жить с одним дедом. Было ему лет 80, и никуда он не поехал. Жили мы с ним в подвале его дома, ночью я картошку мерзлую выкапывал, капусту срезал. И печку топили только ночью, чтобы внимания не привлекать. Хоронились и от своих — боялись, как бы из деревни не отправили.

Так и жили до августа 1942 года, пока совсем не оголодали и не завшивели. Не поверите, вшей горстями с себя снимали и в костер кидали, только треск шел. И вот что удивительно — не болели. Ни дед, ни я. Но однажды ночью я не выдержал, подошел к бане, а там, как оказалось, командиры мылись во главе с комдивом. Потоптался я, потоптался да и вошел к ним. И, видно, такой уж был жалкий в своем длинном пальто, вшивый и голодный, что разрешил мне комдив утром прийти к нему.

Меня отмыли, одели, накормили так, что едва не умер. По неопытности молодой солдат-повар дал мне каши, сколько хотел, я и слопал два котелка. Ну и заворот кишок случился. Хорошо, что врач рядом оказался, он меня и отходил. С этого момента началась моя новая жизнь.

Так я, 10-летний мальчуган из деревни Бабино, стал защитником Отечества. Ровно через год после того, как впервые в жизни увидел немцев, приказом по дивизии был зачислен в сыны полка. И прошел с 1067-м полком 311-й стрелковой дивизии до самого Берлина.

На ЛАЭС отработал 19 с половиной лет начальником ремонтно-строительного цеха.

Вера Васильевна Кожмяко

В первые дни Великой Отечественной войны я добровольно пошла в военкомат, и меня призвали в действующую армию — в Кронштадтский морской отдел флота. Там я служила, каждый день подвергаясь обстрелам. Потом началась блокада Ленинграда. Я служила матросом. День и ночь шли ожесточённые бои.

Помню один случай. Забили склянки — так по матросским правилам звали на обед, и мы пошли в солдатскую столовую. В это время начался налёт вражеской авиации. Бомбили сильно. Одна из бомб попала как раз в столовую. Меня взрывной волной отбросило в сторону, что-то упало мне на голову, чем-то придавило ноги, которые начали пухнуть. Сколько я пробыла под завалами — не знаю, только потом услышала голоса: «Есть кто живой?». Мой тихий голос был услышан, и меня откопали. Я сказала: «Спасибо. Умирать не хочется, мне ведь всего 20 лет».

Меня отвезли в госпиталь, где я пролежала больше месяца. А после выписки опять пошла служить в мой родной КМОФ. И снова бомбёжки, обстрелы, воздушные бои, но это уже было не так страшно.

Война есть война, но Ораниенбаумский «пяточок» отстояли. Девятьсот дней и ночей возле самых стен Ленинграда, изрытая траншеями и блиндажами, опутанная колючей проволокой, проходила смертная линия обороны, кольцо нашей ненависти и надежды. На Ораниенбаумском плацдарме был сдержан натиск врага, отсюда защитники Ленинграда пошли в наступление и заставили фашистов поднять руки. До конца войны я прослужила в действующей армии.

На ЛАЭС отработала 12 лет, общий трудовой стаж 50 лет.

Евдокия Павловна Матвеева

Родилась я 1 августа 1925 г. в деревне Ключиха Псковской области, в семье рабочих. Мне было полтора года, когда на лесозаготовках в Гдове трагически погиб отец. Матери пришлось одной поднимать нас с сестрой. Было очень трудно, помню, что мама получала на троих пенсию 6 руб.18 коп. Так мы жили, учились и рано начали работать. Моей обязанностью было ухаживать за коровой и вести домашние дела.

Мне было 14 лет, когда началась война с Финляндией, а вскоре напали и немцы, которые быстро приближались к нашей местности. В деревне стали готовить к эвакуации людей и колхозный скот, но не успели. Уехало только руководство. Скот догнали до Порхова и вернули с большими потерями.

И началась оккупация: немецкое руководство, жандармы для охраны, комендант и карательный гарнизон... Работали мы по наряду: возили воду, сено, охраняли скот по бригадам. Мне было немного легче других, так как я немного знала немецкий язык, но и это порой оборачивалось другой стороной — дважды была избита, месяц лежала на чердаке. Однажды узнала, что немцы готовятся перевести молодёжь в другой гарнизон и отправить в Германию. Оповестила своих, но не все смогли уйти в партизанский край. Мне мама разрешила уйти к партизанам, дала полбулки хлеба, кусок сала и... иди с Богом. И мы с подружкой Фросей и ещё одним пареньком ушли, не имея никаких документов.

Три дня жили в пустом сарае. На четвертый день утром подъехали трое ездовых парней, и мы попросили взять нас с собой. Долго шли... В деревне Федстово нас передали командирам, которые выслушали, записали в журнал, дали отдохнуть. А потом по октябрь 1943 года мы работали, как пленные, под конвоем ходили, но жили. После этого нас приняли в первый особый полк, а в ноябре передали в 8-ю бригаду, где нас зачислили в разведку. На задания ходили по два человека: по агентам, в гарнизоны. Страху было много, и жили тяжело. Кухни, казарм не было, госпиталей — тоже (мы относились к Ленинградскому фронту).

Пережито было многое — война есть война, никому такого не пожелаешь. Мы знали, когда прорвали и когда ликвидировали блокаду Ленинграда. Немцы отступали, а мы шли на Гатчину, там нас и расформировали, направив на лесозаготовки, на ремонт железной дороги, на торфоразработки. Девчата попросились домой, а потом — куда страна пошлёт. Меня судьба забросила в Восточную Пруссию.

И вот — 9 мая 1945 г. — ПОБЕДА!!! Мне было 20 лет.

Мои успехи в годы войны отмечены орденом Отечественной войны II степени и десятью медалями.

Я очень довольна, что попала в этот прекрасный город — Сосновый Бор, живу здесь с 1959 года. 14 лет проработала на ЛАЭС бухгалтером ОКСа и очень любила свою работу.

Хилия Ивановна Шмелёва

Моя трудовая биография началась рано — в 15 лет. С 1939 г. я работала в войсковом лазарете. Когда началась Великая Отечественная война, весь его персонал переехал в посёлок Лебяжье, и лазарет уже именовался как военный госпиталь № 2.

Помню, как началась война и в каком положении она нас застала: утром в нашем магазине ничего не было, кроме чечевицы, но к вечеру исчезла и она. Мы с дочкой остались ни с чем. Ей был всего один год, но мне приходилось, уходя на работу, оставлять ее одну и голодную, да ещё я ходила на трехмесячные курсы «Медсестра запаса». Дочка моя, всегда голодная, не ходила, а сидела и больше лежала, плакать тоже у нее не было сил, и когда я возвращалась домой, просила кушать. В Лебяжье жила моя сестра. Она иногда давала мне стакан муки, килограмма два картошки, т.к. у них была своя картошка

и рожь, у нас же не было ничего. Но у сестры имелась своя семья — пятеро детей без отца, который ушел на фронт. К тому же продукты у них отобрали для армии: им же на всю семью оставили один мешок картошки, поэтому и они потом тоже очень голодали.

В начале войны мы получали по 250 граммов хлеба, а потом и вовсе по 125 г. А какой это был хлеб? Бума-

га, опилки и немного муки... Да и тот получали не каждый день — если самолёт доставит муку, то выдадут. Я с дочкой хлеб не ела, а варила суп в большой кастрюле, который мы и ели, а точнее — пили. От голода стали опухать. Имевшийся у меня патефон я выменяла на три килограмма пресованных жмыхов, а пластинки — на маленькую миску овса. В госпитале нам давали папиросы, и я их поменяла на лошадиную голову. Потом сдирала с нее шкуру, палила на огне и варила холодец, а кости обгладывали, не дожидаясь пока он сварится. Из овса варила кисель, а из выжимков, смешав их с мочёным жмыхом, пекла лепёшки. От такой еды я чуть не умерла. Меня спасли врачи госпиталя.

Дров тоже не было, и приходилось ломать сарай, в котором лежали трупы. Выдернешь доску, расколешь ее и истопишь печь... Страх не было, хотя доски рубила рядом с лежащими трупами. Зима была очень суровая. От холода и голода не осталось сил отрывать доски, пришлось тогда жечь мебель. Начала со стола, а закончила детской кроваткой. Несмотря на нечеловеческую усталость, работать все равно приходилось. Ухаживала за ранеными бойцами, писала за них письма, кто без руки был — завёртывала махорку, пела песни, а главное — вшей травила, ведь была я дезинфектором. Какое мучение бойцам... болят раны, да ещё вши беспокоят.

Когда привозили раненых с передовой, то доставалось всем, помогали, как могли. Пришлось однажды оказывать помощь местной учительнице, которую я знала (училась с её сыном), но спасти не удалось. Ранение было в брюшную полость. А сколько людей умирало от голода! Идёт человек, вдруг падает, и всё — умер. А бедные детки. Я никогда не забуду, как у моей сестры жила эвакуированная женщина из Кингисеппа с двумя детьми. Мальчику было четыре года, а девочке шесть лет. Они всё время стонали, просили кушать. Так и умерли от голода. Мать отнесла их в сарай. Хоронить не могли, не было сил. У меня очень долго в ушах стоял их стон, потому что и у меня был постоянно голодный ребёнок. Весной норму хлеба увеличили, стали давать по 400 граммов тем, кто на санках из сараев вывозил трупы на кладбище, но каково было возить... Моя сестра это делала, чтобы получить 400 граммов хлеба.

Помню один случай. Это было в начале войны. Я жила тогда еще в Краснофлотске, дом 83. Объявили воздушную тревогу. Все побежали в бомбоубежище, я с дочкой тоже. Вижу соседка из нашего дома, Шевчук ее фамилия, несёт на руках дочку-инвалида 15 лет. Сама маленькая, хрупкая, и ноги у девочки волочатся по земле. Но разве могла мать оставить свое дитя. Я жила в этом доме, но не знала, что у них такая больная дочь. А как кушали дети, не дай Бог, какая крошка упадёт, мочили палец и прикладывали его к крошке. Люди ходили собирать крошки после передвижной кухни, стоявшей за станцией Лебяжье. Они шли туда с надеждой найти или крошки хлеба, или зерна овса. Я тоже

ходила, но ничего не принесла, так как все было подобрано вместе со снегом.

Многое можно рассказать, но больше нет сил писать и вспоминать. Одно скажу: Не дай Бог, даже самому лютому врагу, пережить то, что пережили мы с моей дочкой. Но, слава Богу, он нас сберёт, мы с ней живы. И обидно слышать порой, что клянут нас, блокадников, и наших детей. Но, да простит их Бог.

На ЛАЭС отработала 24 с половиной года, общий трудовой стаж — 40 лет.

Геннадий Иванович Бароздинов

Великая Отечественная война застала меня почти 11-летним мальчишкой, окончившим третий класс школы на Большой Охте в г. Ленинграде. Отец ушёл на фронт, и уже в декабре 1941 года его не стало. Мать была неграмотной и работала в Петропавловской крепости — ремонтировала обмундирование воинов Ленинградского военного округа. Я был очевидцем того, как уходили мужчины на фронт, как Ленинград готовился к обороне города, как за Большой Охтой (тогда окраина города) сбитые наши самолёты падали на землю.

Быстро наступила осень, а за ней и холодная зима. На всех горожан обрушился голод, холод, бомбёжки и

артобстрелы. Счастливые случайности не раз спасали жизнь мне и моим близким. За короткое время блокады (декабрь 1941 г. – январь-февраль 1942 гг.) я потерял свою родную сестру и других близких родственников. Мы жили в коммунальной квартире, и за эти месяцы две семьи вымерли полностью, а наша уменьшилась наполовину. Мать ежедневно ходила пешком на работу, а мы с сестрой в одежде лежали в постелях холодных комнат, согреваясь друг от друга и таким образом сохраняя жизнь. На сигналы о воздушной тревоге уже не обращали внимания. С надеждой ждали сообщения по радио о выдаче хлеба и продовольствия.

Я был моложе своей сестры на два года, и по моему поведению мать и сестра считали, что я скоро умру. Хотели, чтобы я умер в начале текущего месяца, тогда можно было бы съесть те продукты, которые отпускали по карточкам на меня. Ничего предосудительного, я считаю, в этом расчёте не было. Мы видели смерть людей в своей квартире, мертвых на лестнице, на улицах их возили на санках, завернутыми в простыни. Эмоциональное отношение к смерти притупилось, и поэтому принималось в расчёт: кому и когда лучше умереть с тем, чтобы другим было лучше. Но получилось по-другому – в феврале от голода и кровавого поноса умирает сестра.

Я же к весне поднялся – потеплело, добавили немного хлеба; стал ходить на «толкучки» и тайком продавал некоторые домашние вещи, чтобы получить дополнительное питание в виде дуранды, жмыхов, которые казались в ту пору конфетками. За эти «подпольные» действия мать сильно избивала меня. Но вскоре она, сильно ослабленная, оказалась в больнице, и я стал беспризорным в то жуткое время. Мне шёл всего 12-й год. Любими путями я старался выжить и спастись. И неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не счастливый случай: меня поймал наш родственник и отвёл в детское учреждение на ул. Жукова, где собирали детей Ленинграда из Красногвардейского района. В детприёмнике меня сразу подстригли, отмыли и через несколько дней отвезли на по-

езде до Ладоги. Там погрузили нас на корабль и баржи, которые он буксировал, и до другого берега мы добрались благополучно. Там нас встретили военные и очень хорошо накормили всех из солдатских кухонь.

В болотистом лесу было много замаскированных зенитных расчётов. На берегу лежали огромные штабеля бочек, ящиков, покрытых брезентом. Это были продукты для ленинградцев. В лесу стоял замаскированный ветками пассажирский состав. Ночевали мы все в большом соборе, или церкви, пос. Кобона. После водного путешествия и хорошей еды многим детям было очень плохо, и от всего этого в церкви стояло зловоние. Многие не смогли на другой день продолжить эвакуацию, их надо было лечить.

Всех детей погрузили в эшелон, и мы тронулись в путь в сторону Тихвина. По обе стороны дороги валялись обгорелые вагоны. Проезжая г. Тихвин, мы видели сожженные корпуса заводов. Нас везли на поезде, затем очень долго на барже по какой-то реке, и, в конечном счёте, доставили в Ивановскую область. Так мы добрались до маленького города Южа, расположенного в 60 километрах от

железной дороги.

В г. Южа нам выделили школу, в которой раньше был монастырь. Нас было около 200 человек в возрасте от самых маленьких, не знавших своего имени и кто их родители, до 12–14-летних, поэтому всех «разбили» по возрастным отрядам. Воспитателями были ленинградские учителя, прибывшие с нами. Спали мы на деревянных топчанах. В большинстве мы все были дистрофиками, и чтобы нас «поднять» до нормы, требовалось хорошее питание. И в те суровые годы мы это питание получили от города и ближних деревень. Но наесться досыта мы не могли, и поэтому каждый старался раздобыть еще что-нибудь съестного. Одни устремились на огороды местных жителей, другие ходили по окрестным деревням и попрошайничали, многие стали менять свои пожитки (обувь и вещи), привезённые из Ленинграда, на морковь, свёклу, огурцы. Справиться с этим явлением администрация детдома не могла, и к осени 1942 года с наступлением холодов многие оказались просто раздетыми. Руководство города провело разъяснительную работу с населением, и многие вещи были возвращены. Случалось, что вещи возвращались через милицию. В это время в детдоме процветали воровство и, как теперь называют, дедовщина, были даже случаи поножовщины. Перед персоналом детдома стояла очень сложная задача в наведении порядка в каждом отряде, где были взрослые дети. Некоторых отправили в колонию. Всё это было в зиму 1942 года.

Постепенно порядок все же навели. Наши воспитатели, среди которых были и заслуженные учителя, вместе с нами сидели за обедом, ужином и показывали пример, как нужно вести себя за столом. Они покидали свои отряды только тогда, когда все засыпали.

Те, кому нужно было учиться с 1-го сентября 1942 г., начали учёбу со своими в воспитателями сначала в детдоме, а когда с трудом были обуты и одеты, пошли в гражданскую школу и учились там до конца войны.

Обслуживающего персонала в детдоме (кроме повара и завхоза) не было. Мы сами делали ежедневную уборку огромного монастыря, заготавливали в лесу дрова, пилили их, кололи и топили две огромные печки. Этим занимались дежурные отряды.

Постепенно, благодаря огромной воспитательной работе наших ленинградских учителей и самих коллективов, было покончено с самым большим злом — воровством. За воровство устраивались так называемые «тёмные», т. е. происходил самосуд, коллективное избиение провинившегося. Таким образом, исчезли и «дедовщина», и воровство. Конечно, с такими мерами воспитания администрация вела борьбу, но эта мера дала большой эффект.

К зиме 1942 г. усиленное питание исчезло, рацион всё время ухудшался и встал вопрос о самообеспечении продуктами. Весной 1943 г. детдому выделили землю, которую мы своими силами обработали и посадили овощи. Часто мы помогали на полевых работах колхозам, заготавливали дрова, работали на сушке торфа для местной котельной ткацкой фабрики. Работали на кирпичном заводе и на овощехранилище. В распоряжении детдома была одна лошадь, которую мы тоже содержали сами. Взрослые

девочки стали шить одежду, ватные пимы для зимы.

Была организована художественная самодеятельность, выпускалась стенная газета, и, конечно, она называлась «Ленинградец». По праздникам силами детдомовцев давались концерты в городском доме культуры, ездили с концертами в другие детдома области. Мы стали задавать тон высокой организованности и культуры всему городу. Старались ходить всегда опрятными, подтянутыми, часто строем и с песнями. Многие увлеклись чтением литературы, рисованием, коллекционированием марок и открыток.

Всё внимание было сосредоточено на положении дел на фронте. Каждая победа, каждый подвиг наших солдат отмечались торжественной линейкой. Все мечтали о победе, о возвращении в любимый Ленинград. При таком патриотическом состоянии детских душ были случаи побега детдомовцев на фронт. И я со своим товарищем делал такую попытку, но она окончилась неудачно.

В 1944 г. я вступил в комсомол, а это право надо было завоевать примерной учёбой, работой и поведением. В детском доме я закончил 6-й класс.

Весна 44-го шла к концу. Большой гордостью детдома было сохранение жизни каждого ребёнка. За три года умер всего один из нас.

В июне 1945 г. весь состав детдома вернулся в Ленинград. У кого не было родных, были устроены в разные училища — в зависимости от наклонностей. Малышей разместили в детские дома Ленинграда.

Я вернулся к своей матери и продолжил учёбу в школе, а затем — в техникуме.

Несмотря на всё пережитое во время войны, у меня осталось неизгладимое, хорошее воспоминание на всю жизнь о годах, проведённых в детском доме. Бесконечно благодарен тем людям, которые в тяжелейшее для страны время бескорыстно обеспечивали спасение детей Ленинграда, делали из беспризорных мальчишек и девчонок настоящих граждан страны.

Трудовую деятельность я начал в Глазове на предприятии Средмаша в 1951 г. после окончания Ленинградского машиностроительного техникума при заводе им. Сталина, выпускавшего турбины для электростанций. С 1951 по 1974 г. я работал на объектовой ТЭЦ мастером, старшим мастером турбинного цеха. В мае 1974 г. поступил на

работу по переводу на ЛАЭС мастером турбинного цеха. В 1974–1975 гг. курировал строительно-монтажные работы 2-го блока по турбинному цеху, организовывал и обучал ремонтный персонал 2-го блока. Затем перешёл старшим мастером в турбинный цех строящейся 2-й очереди ЛАЭС. Курировал 3-й и 4-й блоки, создавал коллектив ремонтников турбинного цеха, материально-техническую базу цеха. Проработал до 1990 г. и в августе ушёл на пенсию по возрасту и по состоянию здоровья.

В заключение хочется сказать, что трудно в кратком изложении полно отразить все события, участниками которых были я, мои родственники или люди, с которыми мне довелось жить. В более раннем возрасте не покидала мысль написать автобиографическую книжку, хотя бы для родных. Но эта идея постепенно угасла, особенно после получения удостоверения «Житель блокадного Ленинграда» и негативного отношения некоторых людей к блокадникам из-за получаемых нами льгот.

Олег Николаевич Басалаев

Родился я 22 января 1939 года в п. Усть-Ижора Колпинского района города Ленинграда. Посёлок этот старинный, стоит на берегу Невы, в том месте, где в 1240 году Новгородский князь Александр Ярославович разбил шведов, за что и получил прозвище Невский.

Война застала нашу семью в Выборге, где проходил сверхсрочную службу старшиной–связистом мой отец Басалаев Николай Васильевич. И хоть я помню часть эпизодов из довоенной жизни, само начало войны в памяти не осталось, и знаю об этом только из рассказов матери и тёти.

Прекрасно помню, что я имел собственный солдатский котелок и ходил к солдатской кухне, где нелегально стоял на довольствии. Солдаты меня любили за то, что я бойко читал стихи и никогда не стеснялся.

Время было тяжёлое, трудное, и не только продовольствие выдавалось по карточкам, но и промтовары тоже. И вот, когда мне уже нечего было носить (зима 42-го года была крутая), моя мать сказала: «Иди сам в поселковый совет и проси ордер на валенки». Сказано это было в шутку, а может, просто от отчаяния, но я с детской непосредственностью отправился в поселковый совет (он был рядом с домом), где ни слова не говоря взобрался на стул и на глазах опешивших работников лихо прочитал «Мужичок с ноготок» Некрасова. Когда меня спросили, что же хочу, я, показав им свои разбитые ботинки, сказал: «Ордер на валенки». И через десять минут отдал его изумлённой матери. Как говорят, хочешь жить – умей вертеться.

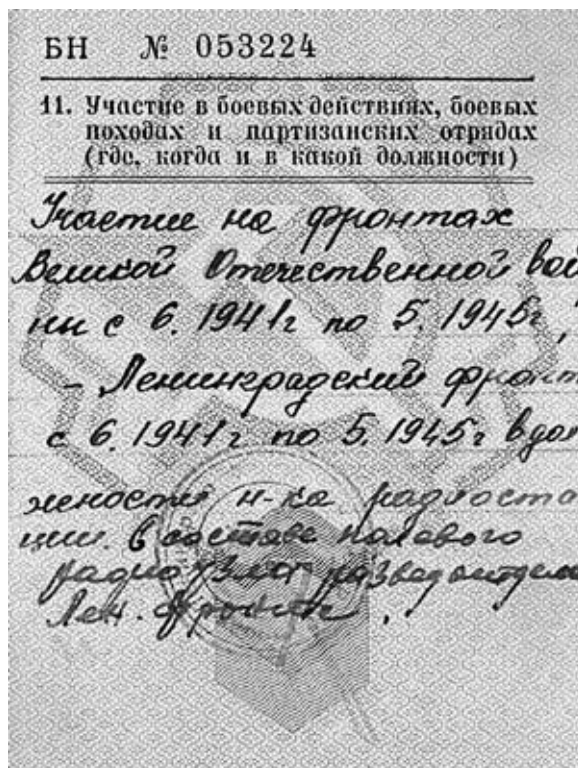
В Сосновом Бору живу с 1966 года со своей семьёй. Отработал в НИТИ 26 лет, участвовал в монтаже ЛАЭС, сейчас тружусь в ЦЦР-2. Помогаю воспитывать трех внучек.

Тамара Алексеевна Басалаева

Военный билет времен Великой Отечественной...

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ С БОМБЕЖКИ...

Я родилась в мае 1938 г. в Усть-Ижоре. Во время войны мне было три года, и для меня война началась с бомбёжки с немецкого самолёта. Я до сих пор вижу это лицо фашиста. Я мало что помню, какие-то отрывки из той страшной жизни. Помню, что мама постоянно была на работе, все взрослые и большие дети работали, презирая ежедневные жестокие обстрелы. Работали в госпиталях, стирали бельё солдат с передовой, строили оборонительные укрепления, ремонтировали оружие, корабли. Ведь Усть-Ижора находилась от передовой всего в 6-7 километрах от того места, где сражались 55 армия и 12-й Краснознамённый гвардейский полк.

С Усть-Ижоры по прямой были видны корпуса Ижорского завода, завода Металлострой, рядом на берегу стоял и стоит завод Понтонный на Неве, который вёл ремонт морских судов и выпускал военные катера, тральщики. На этих заводах трудилась вся наша боль-

шая семья. В доме стояли солдаты, с которыми мы делились последним куском. Помнится холод, голод, болезни. Мне доставалась еда пополам с крысами, и я в блокадные дни лежала в больнице в Ленинграде вместе с моим двухгодовалым братишкой. Он умер от истощения и боли, а мне чудом удалось уцелеть. Мама, Торопова Екатерина Александровна, меня во время войны в буквальном смысле выходила, вынянчила на своей груди. Умерла в 63 года, военные невзгоды сказались на её здоровье. Папа, Торопов Алексей Васильевич, воевал с первых дней и до победы. Был контужен. Он умер, когда ему исполнилось всего 44 года – здоровье, подорванное на войне, не выдержало.

Страх за жизнь родных и вера в победу дали всё-таки силы выжить, перенести все невзгоды. Я с благодарностью вспоминаю всех взрослых людей, которые не бросили детей в трудное время. После войны тоже было время нелёгкое: восстанавливали хозяйство, взрослые работали на производстве, а мы, дети, хлопотали по дому. Выросли, выучились, привыкли бороться с трудностями.

В городе Сосновый Бор живём 32 года — больше, чем в родных местах. Построили дом, участвовали в строительстве ЛАЭС, на которой я отработала 30 лет. С 1992 года работаю в совете ветеранов Ленинградской атомной станции и занимаюсь решением проблем жителей блокадного Ленинграда.

Лилия Захаровна Белова

В МОРЕ ХОДИЛИ ЖЕНЩИНЫ

Родилась я и жила в Ручьях. По национальности мы – ижоры, но по давней привычке зовут нас финнами, видимо, за принадлежность нашего народа к финно-угорской группе. Вот за эту-то принадлежность всех мужчин из нашей деревни в 37-м году энкаведешники забрали и угнали Бог знает куда. Оставили лишь трех мужиков-калек, так что, когда война началась, были в деревне лишь эти инвалиды да бабы.

В дни блокады пришлось женщинам заменить мужчин, самим в море ходить, рыбу промыслять и бойцов кормить. Бомбили нас, обстреливали с того берега из орудий, и поливали с воздуха из пулеметов... А мы всё равно рыбу ловили! Когда настала зима, сшили себе маскхалаты, сани простынями укрывали, чтобы сверху летчикам немецким не заметно было. Но они спускались

так низко надо льдом залива, что видны были лица пилотов. Листовки сбрасывали, а в них такой примерно текст был: вы, дескать, финны, а помогаете русским. Прекратите ловить рыбу!

Но только никто из рыбаков, вернее, рыбачек, не внял этим уговорам. Пусть мы и другой национальности, но земля у нас с русскими одна. И Родина одна! Фронту надо помогать.

Вернешься с уловом. На берегу уже бойцы ждут. Переберем сети, сложим рыбу в ящики. Сами тем, что добыли, не вправе были распоряжаться. Тот, кто у нас улов принимал, из каждого ящика отберет по семь рыбин и нам на харч отдаст. Тем и жили до 28 марта 1942 года.

В тот день, как сказали, по приказу из Москвы, всех «финнов» решили в тыл отправить. По Дороге жизни через Ладогу нас переправили на Большую землю, а потом повезли в Сибирь, в Хакассию.

Немало моих земляков в дороге с голоду и от болезней умерло. Вернулись мы домой лишь после окончания войны, да и то не сразу. Поначалу не прописывали нас в своей же деревне. В Эстонии нашли приют, а уж потом, много лет спустя, оказались и в родных краях. Прежняя горечь несправедливости давно улеглась, а сейчас вспоминается главное — победу добыли сообща и те, кто воевал на фронте, и те, кто помогал бойцам в тылу.

В мирное время я 18 лет отработала на ЛАЭС.

Георгий Федорович Белов-Беликов

Война для меня началась с объявления о ее начале 22 июня на утренней линейке в пионерском лагере на ст. Прибыtkовo под Ленинградом, где мы отдыхали с сестрой.

До начала июля, то есть до самого отъезда из лагеря, жизнь в нем, да и вокруг мало в чем изменилась: играли, купались, ходили в походы и т. д. На нас, детей, война еще не наложила свой страшный отпечаток, да и воспитаны мы были на песнях типа «Если завтра война»... и аналогичных фильмах, где наша армия в пух и прах громила противника, да еще и на его территории.

Правда, наш оптимизм был поколеблен, когда мы однажды утром увидели еле летящий над лагерем самолет типа У-2, у которого весь корпус был разбит и материя крыльев висела ключьями. Самолет летел очень низко, и мы видели даже лицо летчика в крови. У нас руки не поднялись помахать ему, как это мы делали раньше, когда видели низко летящий самолет.

Приехав в Ленинград, мы увидели действительно военный город: заклеены крест-накрест

полосками бумаги стекла окон, защиты досками витрины магазинов; много людей, одетых в военную и полувоенную форму, почти все взрослые носят сумки с противогазами. На Марсовом поле стоят зенитные орудия, и тут же идет формирование военных частей и раздача оружия.

За нашим домом, в саду школы № 209, где я учился, тоже установили зенитное орудие. Все это было для нас очень интересно, и мы, ребята из 2-й и 4-й квартир нашего дома, с утра до вечера шатались по городу, как бы знакомясь с ним заново.

Во время тех походов нас часто заставляла воздушная тревога, но идти в бомбоубежище очень не хотелось, хотя нас туда усиленно загоняли. Мы еще не испытали страха от разрыва бомб и свиста снарядов, да и хотелось видеть, как сбивают немецкие самолеты. Этакая мальчишеская бесшабашность. Но нас, видно, спасало то, что немецкие самолеты сбрасывали свои бомбы в летное время на другие от центра районы.

Зенитки палили нещадно, и все небо обычно во время тревог было в сплошных облаках разрывов, а мы смотрели и ждали, когда собьют «немца», но этого мы так и не увидели ни разу. Правда, и боев таких наблюдать пришлось немного. Даже обидно нам, мальчишкам, было, что немцы так спокойно летают над Ленинградом.

Мы записались в группу МПВО нашего дома и с объявлением воздушной тревоги должны были быть на крыше дома для обнаружения и тушения зажигательных бомб, а также замечать сигнальчиков, стреляющих ракетами, которые указывали цели немецким бомбардировщикам. А таких сигнальчиков в Ленинграде было довольно много. Вечернее небо во время тревоги прямо озарялось светом зеленых и красных ракет.

Однажды и наш дом посетил такой сигнальщик, выпустив две ракеты с одной из форточек на 6-м дворе (за этим двором в здании школы № 209, где я учился, размещился военный госпиталь). Поймать его тогда не смогли, хотя по нашему сигналу группа мужчин обследовала все квартиры этого двора. А спустя месяц бомба попала в хирургическое отделение Куйбышевской больницы и взорвалась. Картина была ужасная. Бомба пролетела, вернее, прошелестела со свистом, когда я был на крыше. Взрывной волной меня прижало к одной из печных труб, и это спасло, так как за ней была отвесная стена дома. Вот тогда я и почувствовал страх, быстро улетучилась мальчишеская бесшабашность. Тревоги в сентябре и октябре объявляли довольно часто, но бомбы в

наш район попадали в основном зажигательные, которые довольно успешно тушились. Две штуки потушил и я.

Частые тревоги и случаи, когда после взрыва бомбы, попавшей в дом, засыпало выходы из бомбоубежища, отучили к ноябрю многих жителей нашего дома ходить в бомбоубежище, и в лучшем случае жильцы верхних этажей спускались вниз, в подворотни, где и ожидали отбоя воздушной тревоги, ждать которого приходилось иногда довольно долго, и люди, если не сильно бомбили, расходились по своим квартирам.

В нашем доме отопление было печным, а дровами обычно обеспечивала жилконтора, но с началом блокады эта забота легла на самих жильцов. Сначала топили книгами, лишними деревянными предметами, а потом деревянными предметами из разбомбленных домов: дверями, оконными рамами, перекрытиями и т. п.

Мы слабели из-за плохого питания и холода, а тут еще в самом начале ноября моя сестра потеряла хлебные карточки. Папа сделал на заводе «буржуйку», которая была экономичней «голландки», но нагреть комнату до сносной температуры тоже не могла. В комнате температура была чуть выше 0 градусов. Спали одетыми. С конца ноября отключили свет и прекратилась подача воды. Какое-то время мы ее брали в прачечной на нашем 1-м дворе, но и там все замерзло. Скоро открыли колонку на Невском проспекте, но очередь и скользкая горка вокруг неё затрудняли набор воды, я часто падал, а подниматься становилось все труднее, мы все слабели, перестали умыться. Для освещения комнаты использовали сухую аккумуляторную батарейку с лампочкой.

Когда наступили сильные морозы, я перестал дежурить на крыше. Воздушные тревоги почти прекратились: «немец» стал меньше бомбить, а больше обстреливать город снарядами. Говорили, что у фашистов стал замерзать бензин. Но что-то меня все-таки заставляло не сидеть дома. Возможно, желание достать в разбомбленных домах хоть немного продуктов и дров. Интересно и жутко было смотреть на срезы этих домов: висят на стенах картины, даже кровати и шкафы прилепились у одной стены, а другой стены нет.

Ходить было трудно: наледи, сугробы и небольшая тропиночка в снегу. Если падали, то редко кто помогал встать, так как все сами боялись упасть. Мне каждый день приходилось ходить за соевым молоком в поликлинику, расположенную на Фонтанке. Молоко давали моей сестре, она на два года младше меня. И по дороге попадались иногда такие лежащие люди, уже припорошенные снегом. Однажды и я чуть не стал таким, но, слава Богу, упал в поликлинике! Стоял в очереди за молоком, и со мной случился голодный обморок. Очнулся в стационаре для дистрофиков, который был в главном корпусе Дворца пионеров на Фонтанке, в подвальном помещении. Туда попадали в основном «доходяги», которых находили на улицах Ленинграда и которых надеялись спасти. Когда я очнулся, то обнаружил с обеих сторон от себя уже мертвых мужчин, по черным пальто которых ползали белые вши. Я подал голос, и сандружинницы стащили меня с нар. Узнали, откуда я, и вместе с сопровождающим отправили меня домой. Когда мама открыла дверь, я снова упал и потерял сознание.

Мама с тетей, которая переехала к нам после смерти бабушки в ноябре 1941 года, вымыли меня и обстригли, так как я успел порядком овшиветь, лежа в стационаре.

Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, в котором собраны экспонаты, рассказывающие об осажденном фашистами Ленинграде

Похоже, я уже «заглобался», так как ходить не мог, падал, да и сидеть долго было больно. Но как-то к концу февраля я малость окреп. Как мама с тетей меня выходили,

не знаю, но несколько раз, помню, приходили сандружинницы и приносили какую-то еду. Возможно, это и помогло. Вообще, потеря карточек в ноябре сильно подорвала здоровье всей нашей семьи. В конце ноября хлебную норму для иждивенцев уменьшили до 125 граммов (рабочим — 250), и декабрь для нас стал еще хуже. Мама варила кисель из столярного клея, какой-то жидкий суп — в основном из горячей воды. А начало января 1942 года было еще тяжелее: карточки не отоваривали, заменяя продукты и хлеб каким-то студнем с тмином. Говорили, что «немец» разбомбил Дорогу жизни и все автомашины с продуктами ушли под лед Ладоги.

Отец мой болел туберкулезом, и его не взяли в армию, хотя ему к началу войны было только 45 лет. Он записался в народное ополчение, но из-за скудности питания болезнь прогрессировала, и его отчислили уже в октябре. Некоторое время он ещё ходил на работу на свой Металлический завод, который располагался в помещении бывшего Никольского рынка на Садовой улице. А потом завод остановился, и с декабря папа был дома. 16 января 1942 года он умер. Зашили мы его в простыню, положили на саночки и с мамой отвезли в морг Куйбышевской больницы. Сдали его карточки, получили свидетельство о смерти, и где он похоронен, до сих пор выяснить не удалось. Ни на одном кладбище он в списках не значится.

Довольно часто я видел на Невском проспекте пятитонные грузовики, нагруженные доверху голыми трупами. Куда их везли? Может быть, в рассекреченный сейчас крематорий, который находился на месте нынешнего парка Победы?

Моя тетя Варя (сестра отца) тоже недолго протянула и, выйдя меня, в марте умерла. В нашей квартире № 2 до войны было десять семей, в живых в марте осталось только четыре. Шумная до войны квартира затихла, народ потихоньку умирал или готовился к этому. Однажды человек ложился в постель и у него пропадало всякое желание подняться. Так чуть не умерла моя сестра, но мы ее постепенно с мамой расшевелили.

По сравнению с осенью зимой бомбежек и обстрелов стало намного меньше. Видно, немцы решили, что мы и так перемрем. 1 марта 1942 года я поступил в ремесленное училище в группу автослесарей, а до этого проучился не больше месяца в 6-м классе в бомбоубежище школы № 203. В ремесленном училище жить стало лучше: все же таки питание нам давали по рабочей карточке, и я умудрялся кое-что приносить домой сестре и маме.

Несмотря на улучшение в питании, голод постоянно давал о себе знать, и я стал подумывать об эвакуации. Собственно, ехать нам было некуда, и мать отказалась.

И все-таки в начале июля 1942 года я через Ладогу уехал из Ленинграда. С поезда меня сняли с диагнозом дистрофия, отвезли в госпиталь. Через два месяца я из доходяги стал довольно крепким юношей. Мне выписали военные продовольственные документы, и я поехал дальше в Сибирь.

С матерью я встретился только летом 1944 года, в деревне Тихоновке Кемеровской области, куда она была эвакуирована из Ленинграда 25 июля 1942 года вместе с моей сестрой. Она уже имела вызов в Ленинград, а я так и остался работать в Сибири.

Николай Михайлович Быстров

ВСЕГО ОДИН ГОД. НО РАЗВЕ МОЖНО ЕГО ЗАБЫТЬ?

Лигово сегодня — один из множества районов громадного города Санкт-Петербурга. А тогда, до войны, это была тихая станция, тенистый пригород Ленинграда. Вот там рядом с железной дорогой мы и жили в отцовском доме.

Помню, стояла хорошая солнечная погода. Не могу сказать, что это был день начала войны. Скорее всего, это был день, когда я впервые услышал слово «война». В тот день взрослые сидели на крыльце дома, а мы, мальчишки, с интересом смотрели в безоблачное небо. Там друг за другом гонялись самолёты — какая-то непонятная карусель. Было интересно!

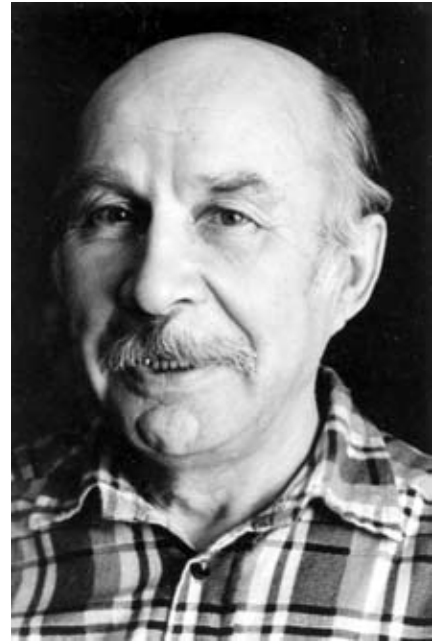
Тогда я не мог и подумать, что началось что-то страшное. В тот день я и услышал от взрослых слово «война». Они говорили о ней с тревогой. Однако мне это слово ни о чём не говорило. Я просто не понимал его смысла.

Начались бомбёжки, обстрелы. А у нас, мальчишек, появились новые игрушки—осколки. Помню, ещё не успевшие остыть, с рваными блестящими краями они вызывали у меня какое-то странное чувство. Но только не страх. Пока не страх... Как-то в моей мальчишеской голове не укладывалось, что вот эти кусочки рваного железа могли быть ещё чем-то, кроме игрушек.

А потом было утро того самого дня, когда мы, спасаясь от обстрела или бомбёжки, сидели в погребе и отец принял решение уходить в Ленинград. Почему-то мне представляется это утро каким-то серым, хотя, может быть, я и ошибаюсь. Электрички уже не ходили. Немцы были рядом. До города мы шли пешком. Мать с отцом, бабушка и мы с сестрёнкой — вся наша семья. Всё, что у нас осталось с мирного времени, было с нами. Ничего лишнего. Вначале мы жили у отцовской сестры в коммунальной квартире, где ей принадлежала одна комната. Потом нам дали комнату где-то на Гороховой улице. Вот там, в той коммуналке, я сполна понял, что война — это когда очень-очень хочется кушать, когда очень страшно.

Я отчётливо помню, как около старого шкафа, стоявшего в узеньком коридоре нашей квартиры, толпились жильцы. Они окружили его — под ним прятался кот. И это была охота на него. Да, на того, с которым мы так любили играть. Мне было страшно. Страшно было смотреть на взрослых.

Не знаю, есть ли в каком словаре объяснение слова «дуранда». Блокадники знают, что это такое. У меня блокадный хлеб и дуранда вызывали одинаковые ассоциации. Хлеб и дуранду можно было есть. Дуранда в моем понимании делилась на две части: хорошая и плохая. Хорошая — это серое камнеподобное вещество, которое родители разбивали на кусочки молотком. Если положить в рот такой кусочек, его можно было сосать целый день. Исчезало чувство голода. Плохая — это желтое вещество, легко

поддающееся зубам. Рассыпчатая — относительно, и вкусная, наверно, тоже относительно. Но для меня в то время эта дуранда казалась очень вкусной. Вся беда заключалась в том, что её можно было очень быстро съесть. Не хватало сил долго держать её во рту. И чувство голода вновь начинало жестоко мучить. Холод и голод... Страшно.

«Граждане! Воздушная тревога!...» Даже сейчас, написав эту фразу, я почувствовал противный озноб. Как можно забыть тревожный стук метронома? Зато сигнал отбоя был очень красив. Может быть, мне это казалось, но лучшей музыки я тогда не слышал.

Первым умер отец. Я не видел, как это произошло. Я видел, как его спускали по лестнице с чердака дома. Он лежал завернутый в простыни на плечах двух мужчин, как бревно. Вероятно, он окоченел, замёрз. Ведь он умер в

начале месяца и пролежал на чердаке до его конца.

Вероятно, кто-то может нас упрекнуть в том, что мы не зарегистрировали смерть сразу, и пользовались его продуктовой карточкой. Да, это было нечестно. Согласен. Но так было. Теперь у нас в семье остались только две детские и две иждивенские карточки. Только это на двух больных женщин и двух детей. Прожить было невозможно.

Бабушка и сестрёнка умерли в одну ночь. Они не раздеваясь спали на одной кровати, согревая друг друга. И умерли вместе. Я видел это... Потом умерла мать. Я тоже видел это... Помню, забрался за печку, холодную, как лёд, и ревел там, дрожа от страха.

Меня взяла к себе моя крёстная. Вместе с ней и её дочь, моей двоюродной сестрой, мы пережили ту страшную зиму. Крёстная сдавала кровь и получала за это кое-какие продукты. Но наступило время, когда она не смогла больше этого делать, и ей пришлось сдать меня в детский дом.

Помню, она вела меня по улице. На мне был детский бушлатик, на голове — отцовская будёновка. Документы и фотографии — в сумке, которую я нёс, надев через плечо. Было тепло, таял снег. Люди убирали всё то, что осталось во дворах, на улицах от той страшной зимы.

Последние дни в Ленинграде я провёл в детдоме, а может, в детприёмнике — были тогда у нас и такие детские учреждения. Видимо, осенью нас эвакуировали через Ладогу в Сибирь.

Я помню, где-то в нижней части судна, на котором мы плыли, нас было много. Сильно качало. Многих тошнило. А наверху стреляли, рвались снаряды, а может быть, это падали бомбы. Сказать определённо не могу. Но нам повезло. «В. Чапаев» благополучно доставил нас на Большую землю. Голодные, перепуганные, еле-еледвигающиеся, мы появились там и набросились на всё, что росло на земле. Траву, цветы, листья – мы всё пробовали на зуб.

А потом нас долго везли на поезде. Когда бомбили, он останавливался, издавая тревожные гудки, и все, кто мог ходить, бежали прятаться в лес, поле или просто под насыпь.

Я помню, что спал на второй полке с мальчиком Серёжей. Чтобы не упасть, мы крепко держали друг друга по ночам. Однажды проснувшись, я ощутил холодное тело моего дружка. Он умер. Вероятно, я спал, держась уже за мёртвого Серёжу. На станции его сняли с поезда.

Потом мы ехали на лошадях по снегу до какой-то пристани. Река ещё не замёрзла, но по ней плыл уже первый лёд. Нас погрузили на баржу и повезли по реке. Помню, мы натолкнулись на что-то, и баржа дала течь. Двое парней, сопровождавших нас от самого Ленинграда (наверно, они были работниками детдома), сделали всё от них зависящее, чтобы спасти детей. Весть о том, что ленинградским детям угрожает опасность, как-то очень быстро распространилась среди жителей села Зырянское. Может быть, нас ожидали предупреждённые заранее жители, и на берегу собралось много народу. Детей спасли, но баржа и всё, что на ней было, утонуло. Сто пятьдесят детей остались перед зимой без тёплой одежды, без посуды и продуктов питания и без документов. Если бы не помощь местных жителей, властей района и области, я не могу представить, что случилось бы с нами. Спасибо всем тем, кто, ущемляя себя, рискуя здоровьем, а может быть, и жизнью, спасал нас, детей Ленинграда, проживших всего один год в блокаде.

Всего один только год. Но разве это так мало?

В Зырянском — Ленинградском детском доме № 1 — Томской области я прожил до 1949 года. Через восемь лет у меня нашлись родственники в Ленинграде. От них я узнал, что в первую блокадную зиму погибла и семья моего дяди. Он накормил свою страдающую от голода семью мукой, купленной на рынке после пожара на Бадаевских складах. Голод — это что-то страшное. Ещё одного моего дядю немцы поймали в Лигово и повесили в Гатчине за связь с партизанами.

Забыть случившееся выше моих сил. Всё это произошло только в один год и только так или иначе касалось одной семьи. А впереди были ещё целых три года. Три долгих года той страшной войны.

На ЛАЭС я отработал 13 лет, а общий трудовой стаж 45 лет.

Юрий Георгиевич Генперт

Я родился 4 января 1932 года в г. Ленинграде. Мы с мамой и бабушкой жили на Морском проспекте, напротив стадиона «Динамо».

Любимым занятием детворы были всевозможные игры, особенно в войну, а когда на стадионе проходили матчи и соревнования пожарных, мы залезали на крыши домов и были зрителями-зайцами. Но радостному и беззаботному детству настал конец — началась война.

Город, каждый его район изменился: в ЦПКО им. Кирова установили зенитки, аэростаты, оборудовали бомбоубежища, на крышах дежурили бойцы МПВО...

Занятия в школе прекратились. Замкнулось кольцо блокады. Не буду повествовать об этом периоде жизни города и ленинградцев — много написано хороших и правдивых книг.

Моя бабушка была очень доброй, трудолюбивой, все домашние заботы она взяла на себя. Мама с утра до вечера трудилась на оборонном заводе «Электроприбор», ездила на окопные работы, была большой активисткой.

Наступила ранняя суровая, холодная и голодная зима 1941-1942 гг. Бабушка как могла скрашивала голод и холод: то где-то что-то достанет, купит или выменяет немного крупы или дуранды (жмых), то принесет немного хряпы (так назывался зеленый лист). Достала буржуйку, которую мы топили мебелью, книгами, паркетом — всем, что горело и давало тепло. Спали одетыми, укрывались одеялами, пальто.

Мама рано утром уходила пешком на работу, возвращалась очень поздно... К весне подорвалось здоровье бабушки, к недоеданию прибавилась простуда — воспаление легких — чем и как лечить? Мама ослабла, на работу уже не ходила, пришлось все заботы взять на себя мне — 10-летнему мальчику. Ходил за пайкой хлеба, дрожжевым

супом (его выдавали на маминой работе), топил буржуйку, разогревал, кормил, выносил ведро, из снега топил воду...

Здоровье бабушки ухудшалось. Настал черный день. Однажды утром мы поняли, что случилось непоправимое — бабуля умерла. Мама истощена, парализована случившимся. Пришлось мне взять на себя «похороны». Помогала соседка Оля. Зашили бабушку в одеяло, спустили этот саван вниз, положили на саночки, привязали, и я один повез ее в последний путь, на пункт сбора умерших.

Добрался, сдал бабулю, а взамен получил справочку...

Захоронение ленинградцев этого района производилось на Серафимовском кладбище. Сейчас там стоит монумент.

Очень тяжело вспоминать, а еще тяжелее излагать на бумаге события тех страшных лет. Закончу недавно услышанными стихами одной из блокадниц:

«Не завидуйте

Детям блокады,
Что бесплатно
Ездят в метро...».

На ЛАЭС я отработал 13 лет.

Раиса Павловна Знаменская

Я родилась в Ленинграде в 1930 году. Когда началась война, мне было 11 лет. Отец

ушёл на фронт. Мы остались в Ленинграде: я, сестра 1925 года рождения, брат — 1923, мачеха и бабушка. Брат через месяц добровольцем ушёл на фронт, сестра — на оборонные работы. Началась блокада города.

Были обстрелы, бомбёжки. Ранило мать, она блокаду не выдержала и умерла. Потом умерла бабушка. Отец погиб на фронте. Сестру, выучив, отправили минёром на фронт. Меня взяли в детдом № 9. Я часто убегала на крыши гасить зажигательные бомбы, поэтому в конце 1943 года сестру отозвали с фронта из-за меня. Потом мы жили с сестрой, она работала, я училась.

На ЛАЭС я отработала 15 лет.

Руфина Сергеевна Зубкова

О том, что началась война, я узнала на даче, под Ораниенбаумом. Большая колонна солдат очень спешила по дороге, проходящей мимо нашего домика в сторону Кингисеппа. Какое-то время мы еще оставались на даче, но жизнь резко изменилась, стала тревожной. В небе появились самолеты, и однажды на парашютах был выброшен вражеский десант. В деревушке, где мы жили, располагался отряд морских пехотинцев. Они и ринулись в лес на поиски десантников.

Учитель школы организовал из учеников, местных и дачников, бригаду на прополку овощей. Вражеские самолеты на небольшой высоте обстреливали нас, детей, из пулеметов.

Учитель школы организовал из учеников, местных и дачников, бригаду на прополку овощей. Вражеские самолеты на небольшой высоте обстреливали нас, детей, из пулеметов.

Мы с мамой вернулись в Ленинград, где тоже были и обстрелы, и бомбежки, от которых приходилось прятаться в бомбоубежище. Страх почему-то не было. Хотелось вместе со взрослыми идти на чердак и сбрасывать и засыпать песком зажигательные бомбы. Да куда там! Мне было всего 10 лет!

Моей обязанностью было ходить за керосином, хлебом и детским питанием (сестренке было 3 месяца). Вот в перерывах между обстрелами и бомбежками я это и делала. Потом наступили холод и голод. От холода спасались тем, что у нас была печка, мы топили ее сначала дровами, потом старой мебелью и книгами. На наше счастье, в доме работал водопровод. Воду кипятили, ставя кастрюльку прямо в печку. Свою пайку хлеба крошили прямо в баночки и, чуть посолив, заливали кипятком. Все это съедалось часов в 10 утра и ... до следующего утра. Спасало от смерти тепло в комнате и, наверное, чтение. Мы читали много даже при свете коптилки. Раз в сутки я

ходила за хлебом. Мама была очень слаба, сестренка от слабости даже не плакала.

Иногда удавалось обменять какую-нибудь вещь на кусок дуранды — это спрессованные отходы от подсолнуха, конопля (предназначались для корма скота). А однажды мы случайно нашли «клад». На кухне в газовой плите обнаружили противень с черными сухарями. Как-то достали столярный клей и из него сделали... холодец. Съели его с удовольствием. Зима была страшная, помнится многое, но вспоминать не хочется.

Как бы то ни было, зиму мы пережили все: мама с папой и нас трое детей.

В марте 1942 года мы все перебрались на станцию Пискаревка, к месту службы отца, там была какая-то тыловая часть. И моей обязанностью по-прежнему оставалось ходить за хлебом. Путь проходил мимо теперешнего Пискаревского кладбища. Тогда это была большая поляна с большими вырытыми траншеями. К этим траншеям подъезжали грузовики, наполненные трупами ленинградцев. Все были завернуты в разномастные материалы — простыни, одеяла. Двое грузчиков брали очередной труп за плечи—ноги и сбрасывали в траншею. Потом закапывали экскаватором. Зрелище, надо сказать, жуткое! И забыть это невозможно.

Жили мы в деревянном одноэтажном доме, который весь содрогался от бомбежек и артобстрелов. Было страшно, и родители приняли решение эвакуироваться. Предстояло переправиться через Ладогу на Большую землю. Теплоход «Форель» с беженцами на борту шел на спасательную Большую Землю, и тут появились немецкие самолеты и стали бомбить нас. Мы видели в иллюминаторы, как завязался воздушный бой с нашими

«ястребками». Зенитки наши тоже не молчали. Тот бой был выигран, и мы сошли на землю. Нас накормили прямо в лесу, а потом посадили в товарные вагоны и отправили состав в г. Омск.

В июле 1944 г. мы возвратились в полном составе.

Потом была учеба в школе, техникуме, который я закончила в 1950 году. В январе 1952 г. вышла замуж за морского офицера и снова рассталась с Ленинградом. Почти вся служба мужа прошла на Севере. После его выхода в отставку решили обосноваться в Сосновом Бору, где и живем с января 1975 года.

Проработала я на ЛАЭС в ОКСе почти 10 лет и ушла по собственному желанию на пенсию в апреле 1987 года.

Георгий Степанович Иванов

Было 5 часов вечера, воскресенье, 22 июня 1941 года. В этот час мы узнали, что началась война. Помню, в доме я был один. Мама уехала в г. Кронштадт навестить сына. Нас было пятеро, я — самый младший, мне было 11 лет, а старшему брату — 27. Отца арестовали в 1930 г., и мать одна нас воспитывала, работая в колхозе и ведя всё домашнее хозяйство.

Три брата сразу ушли на фронт. Четвёртый брат в 16 лет добровольно стал партизаном. Я остался с матерью.

В сентябре 1941 г. немецкие войска близко подошли к Ленинграду. Образовался Ораниенбаумский плацдарм. Мы с матерью жили в дер. Коваши — это было в 10-12 км от передовой. В Мартышкино — немцы, в Усть-Рудице — немцы, в Копорье — немцы. Днём и ночью были слышны разрывы снарядов и бомб — это немецкие самолёты бомбили населённые пункты. По дороге со стороны Краснофлотска в сторону деревни Калище двигались наши войска — они шли на передовую, проходившую в деревне Керново. По железной дороге к ст. Калище подходил бронепоезд, стреляя из пушек. И только немецкие самолёты заставляли его удалиться в сторону Лебяжья.

Был смертельно ранен 14-летний мальчик, а колхозного бригадира Матвеева так изрешетило осколками бомбы, что его не успели довести до Краснофлотска — он умер по дороге. Чтобы спрятаться от бомбёжки, население ушло в лес. Жили в шалашах, но погода заставила нас вернуться в деревню. В это же время немецкие самолёты совершали налёты на наши города. Мы считали: на Кронштадт — до 50 штук, на Ленинград — до нескольких сотен. На оборонительных сооружениях работало 3 тысячи ленинградских девушек. И вот налетает немецкий самолёт, стреляет из пулемёта и бросает листовки: «Ленинградские дамочки, не копайте ямочки, придут немецкие паночки и поглядят на ваши ямочки».

Самое страшное началось зимой 1941-1942 гг. — холод и голод. В каждом доме

поместили военных. У нас было 30 человек рядовых и несколько командиров, кроме того — 3 семьи беженцев из мест, где уже стоял немец. В сельской местности не выдавали продовольственных карточек. Хлеба не видели. Голод был страшный, не было ни кошек, ни собак. На кладбище лежали трупы, потому что у живых не оставалось сил копать могилы.

Здесь я с матерью прожил до конца октября 1942 г. Потом нас эвакуировали. По пути мы дважды попадали под артобстрел: на барже в р. Неве и на Финляндском вокзале при посадке на поезд в сторону Ладоги. А на Ладожском озере пароход был атакован немецкими самолётами, но наша авиация их отбила.

Обратно вернулись мы в 1944 году, когда была открыта железная дорога. Дом наш оказался сильно разрушенным: ни двора, ни дверей, ни окон, ни полов, ни потолков. Всё это ушло на сооружение блиндажей и окопов. Но самое страшное горе — это то, что на фронтах войны погибло три моих брата. Михаил, он был танкистом, выехал на передовую в июле 1941 г. и пропал. Константин тоже был танкистом и погиб в последние дни войны. Владимир партизанил и в 16 лет, в сентябре 1941 г., погиб от осколка разорвавшегося снаряда в 4 километрах от Ломоносова.

Я живу теперь в Сосновом Бору, проработал на ЛАЭС 16 лет, сейчас — на пенсии.

Александр Николаевич Киски

Я родился 20 сентября 1939 года в финской семье рабочих в селе Кукушкино Ломоно-
Второй рубеж обороны по реке Косаи. Август-сентябрь 1941 г.

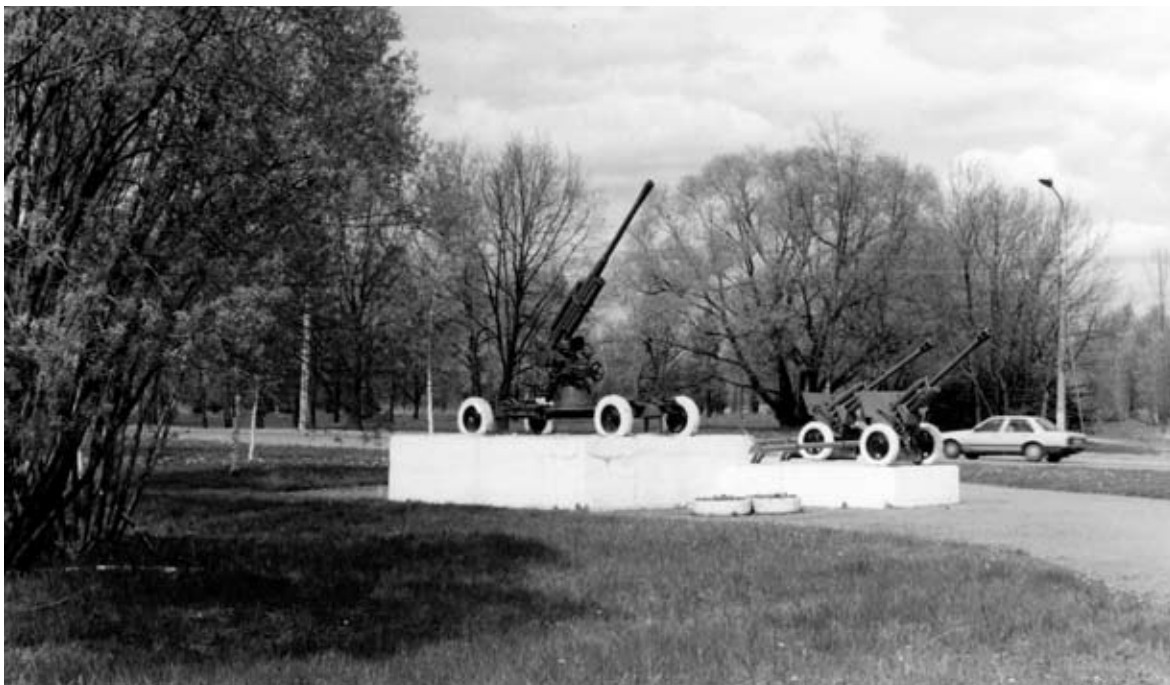
носовского района Ленинградской области. Мой отец, Киски Николай Александрович, работал электриком в Ломоносове на электромеханическом заводе — это у автостанции недалеко от вокзала. А мама моя (девичья фамилия ее Кяккинен), Елена Осиповна, работала на гранильной фабрике (ныне это Петродворцовый часовой завод) сверловщицей. Вся наша семья жила в селе Кукушкино. Когда началась война, немцы, подойдя к деревне Илики, начали обстреливать наше село. И при бомбежках мы прятались в камышином сарае.

Мы так и жили до эвакуации, которая началась 26 марта 1942 года. Маму вместе со мной (мне было 2,5 года) и моим братом Колей, которому было несколько месяцев (он родился в 1941 году), эвакуировали по Малой ледовой дороге. Она проходила из Малой Ижоры (Бронка) на Кронштадт и Лисий Нос. А потом через Ладожское озеро и на Большую землю.

Отца моего взяли не в действующую армию, а в восстановительную. Так как он был электриком, его направили восстанавливать разбитые аэродромы Ленинградской области. А нас повезли на восток. С нами были мамина мама, моя бабушка, и два брата отца: Онну Мария Ивановна, 1887 года рождения, Онну Иван Эдуардович, Онну Рудольф Эдуардович.

Всех привезли на станцию Зима Иркутской области. Там нас ждали представители с Севера — они нанимали рабочих на ловлю рыбы в Лаптевом море. И все наши согласились поехать в Булунский район города Тикси. Поначалу моя мама ловила рыбу, а потом ее перевели в сторожа. Там, в Тикси, я пошел в первый класс. Когда американцы открыли второй фронт, нам в школе устроили большой праздник с угощениями и всем выдали школьную форму, включая носовой платок и ботинки. В Тикси моя мама гражданским браком вышла замуж за казака, и он решил нас оттуда увезти пароходом

по реке Лена. Когда мы подъехали к Якутску, на пароход поднялись милиционеры, и нас высадили на берег, так как финнам не было выезда. В Якутске моя мама работала уборщицей, а я учился во второй школе. Потом мы переехали в город Покровск, где мама работала на кирпичном заводе, а я учился во 2-м классе.

После этого мы из Покровска на грузовой машине добирались до Иркутска, а потом на поезде доехали до г. Осинники Кемеровской области — там жил мамин брат Кяккинен Константин Осипович. Он работал на 4-й шахте в лаве, а мама устроилась породовыборщицей. Это был уже 1951 год, и я снова стал учиться. После окончания школы я пошел работать в шахту, закончил курсы электрослесарей, а вечерами занимался в вечерней школе. На шахте я проработал с 1957 по 1963 год.

После этого мы с семьей переехали в Ленинградскую область. Сперва я работал в совхозе «Плодоягодный» в деревне Сойкино, а потом в Ленинграде устроился электрослесарем на завод «Красный треугольник». Позже я перешел на работу в РСУ Петро-дворцового района электромонтером, потом — в ЖЭК-3 г. Ломоносов, тоже электромонтером.

Как-то я услышал, что в Калище строится Ленинградская атомная станция. И решил переехать в Сосновый Бор. В 1967 году я устроился на работу в Гатчинские сети (сокращенно ПГЭС), проработал там 5 лет электромонтером, получил жилье. А в 1977 году перешел на Ленинградскую атомную станцию, на участок РУСН электроцеха, и по сей день там работаю. Вот и вся моя биография.

Зинаида Викторовна Корастылёва

СУДЬБА НАС БЕРЕГЛА

Родилась я 20 мая 1935 г. в деревне Раннолово Кингисеппского района Ленинградской области. Росла в многодетной семье,

где было пятеро детей. Отец работал, а мама была домохозяйкой. До войны мы жили в Ораниенбауме на улице Красного Флота, а на лето уезжали к бабушке в д. Раннолово. Там нас в 1941 году и застала война.

Чтобы не попасть в плен к немцам, мы начали собираться к отъезду. Когда фашисты наступали со стороны Кингисеппа, многие из деревни, и мы тоже, бежали лесом, чтобы добраться до Ораниенбаума. В дороге в дневное время немцы, обнаружив обоз беженцев, неоднократно обстреливали его из самолётов. Но нас судьба берегла, и мы остались живы. В дальнейшем эвакуация мирного населения из Ораниенбаума не увенчалась успехом. Спасаясь от обстрелов, мы опять бежали в сторону Кингисеппа и остановились на станции Калище, где нас и застала блокада Ленинграда.

Мы, две семьи, жили в бараке в деревне Ручьи. Страшный голод и холод чудом оставили нам жизнь. Когда прорва-

ли блокаду, отец, служивший в воинской части, стоявшей на берегу р. Коваш, где был Ручьёвский консервный завод, посодействовал устроить маму вольнонаёмной в часть. Паёк солдатский помог нам встать на ноги, да и солдаты делились с нами, детьми, своей кашей. Но вскоре все семьи срочно эвакуировали в Сибирь. Так мы оказались и до конца войны прожили в Алтайском крае. После же ее окончания вернулись в деревню Раннолово и жили у бабушки. Послевоенное детство было трудным... Отец вернулся с войны больной и вскоре умер, и нас пятерых растила одна мать. Добывали себе хлеб и одежду, работая пастухами. Каждое лето пасли коз, овец, телят.

Наша семья была дружная, дети любили старших и старались учиться, чтобы выйти в люди. Высшее образование не смогли получить, но нужда научила и приучила ко всему. Труд и радость жизни дали свои плоды. Я приобрела несколько профессий: счётный работник, швея, слесарь, маляр. И всё пригодилось в жизни. Мы с мужем вырастили двоих детей, двух внуков и теперь живём и радуемся.

На ЛАЭС я отработала 15 лет.

Ангелина Григорьевна Корягина

Я начинаю свои воспоминания с 21 июня 1941 года. Наша семья жила в г. Либава

Латвийской ССР. Отец был вызван 19 или 20 июня в воинскую часть, которая находилась в военном городке.

Хлебные частные магазины в Либаве закрылись с утра 22 июня 1941 года. Утром мы получили от отца записку: он писал, что нас увезут за г. Ригу месяца на 2-3. К вечеру получили вторую записку, в которой он просил, чтобы мы собирались кучнее, взяли liter и деньги. В это время в сопровождении двух моряков подъехала грузовая машина, мы с чемоданом и узлом сели в кузов, где уже находились несколько семей. Вечером в составе из товарных вагонов мы тронулись в путь. Ехали под обстрелами, налётами немецких самолётов. Нам мужской голос давал команды: «Выходить из вагонов», «Снять пододеяльники» — в составе было много грудных детей. Прибыв в Ленинград, мы решили переехать в Кронштадт. Все семьи, которые жили раньше в Кронштадте, были пропущены в него, но наши квартиры были заняты, поэтому всем дали другую прописку в новом бараке, который строился для сезонных рабочих. В этом доме нас застала и осень, и зима 1941-1942 гг.

Лето было спокойное, потом участились воздушные тревоги, мы уходили в бомбоубежище на вал — там были, как нам казалось, хорошие подвалы. Ухудшалось питание, закрывались магазины. В сентябре были страшные бомбёжки, воронки на Ленинградской улице были шириной от одной панели до другой. Бомбили КОЛМЗ, морской госпиталь, хлебозавод и другие объекты.

С питанием становилось всё хуже и хуже. Ещё было тепло. Помню, несколько человек стояли в парадной дома, и вдруг идёт мужчина и несёт в одной руке топор, а другой рукой держит за шею большую собаку с рассеченной головой. Было страшно смотреть, все молчали, он унёс ее в свою комнату.

В это время мы всей семьёй ходили в русскую столовую, находилась она на улице Ленина. Там можно было купить пшеничную кашу и искусственный кисель. Но всё это к холодам прекратилось. И вот 125 гр. хлеба и строгий паёк. Мама устроилась работать — гасила на крышах зажигалки за рабочую 250-граммовую карточку хлеба. Для отопления своей комнаты заготовили 2 куба дров, но не успели занести их в комнату. Их украли, и мы остались в холоде, а на улице уже всё в снегу...

Стараясь как-то выжить, мама сдала кровь и получила талон, домой после этого пришла вся в синяках, так как улица была в ледяных ухабах, легла, и утром уже не встала. Так пролежала она до 8-го марта и умерла от сильного истощения, цинги и пролежней. Да и мы уже не ходили больше в бомбоубежище.

В нашей комнате стоял от старинного буфета низ, между окнами — стол, на столе — ведро со снегом, там в углубление была вода, которой мы пользовались, в углу стояла тумбочка и на ней — коптилка, рядом — кровать и детская раскладушка. Мы их соединили, и все трое, не раздеваясь, спали вместе. Дверь отсырела на полтора сантиметра и закрывалась только лишь шваброй, на окнах была специальная чёрная толстая бумага — для затемнения. Когда мама умерла, две соседки повезли ее, зашитую в простыню и солдатское одеяло, в покойницкую морского госпиталя. Я шла сзади. В первую ночь нас с братом, ему было 11 лет, позвали спать пять девушек. Спали на полу, утром встали, одна девушка ночью умерла, и мы больше никуда не ходили, а тётя Нюра нас к себе боялась брать, у нас были бельевые вши. Мы с братом вместе ходили за хлебом и отоваривали карточки в столовой.

Нас брали на усыновление в разные семьи, мы отказывались, но на детдом согласились. 11 апреля мы пришли в детсадик по улице Амермана, а утром 12 апреля нас погрузили в грузовую машину, и мы поехали на Большую землю. Колёса машин были в воде, ехали медленно, объезжая полыньи, застрявшие машины, никто из ребят, несмотря на холод и тесноту, не плакал, все молчали. На льду я видела большое количество убитых мужчин, кто в белых халатах, а кто и без них. В Ленинграде нас соединили с детдомом, и целый состав с детьми поехал в Краснодар.

Зоя Петровна Кузнецова

Когда началась война, мы жили в деревне Чёрная Речка Всеволожского района Ленинградской области. Немцы подошли в район города Кировска и деревни Марино, и начались ожесточённые бои. Чёрную Речку, находящуюся на противоположном берегу Невы, разбомбили, и жители разъехались кто куда, а наша семья, в которой было пять маленьких детей, осталась жить в землянке, вырытой в пяти километрах от передовой, проходившей через нашу деревню. Так мы прожили до начала зимы, а потом нам дали в поселке Дунай маленькую комнату, в которой жил еще один сосед. Этот посёлок во время блокады снабжал Ленинград торфом для отопления. Папа работал на железной дороге мастером и находился на казарменном положении.

Когда начался сильный голод, кругом было много трупов. Их складывали в большой сарай, около которого на тележке стоял гроб, и мы, дети, не боясь, заглядывали в него, а там, помню, лежала старушка.

И еще, как мне помнится, родители очень долго

ходили за хлебом, а мы сидели и ждали их. Когда же они возвращались, то делили хлеб на всех, а мы подбирали каждую крошку. Иногда ели овёс, запивая его кипятком. Как-то папа привёл замёрзшую тётю, которая ночью умерла. Она лежала на полу, а мы, ничего не понимая и не сознавая, что она уже мертва, ползали по ней. Папа похоронил её, но после этого долго не мог набраться сил. Из нашей семьи мы с папой больше всего страдали от голода — распухли так, что невозможно было обуться. Моя старшая сестра работала на военном заводе, хотя ей было 13 лет, но на девочку она была не похожа, больше походила на маленькую старушку.

Было очень трудное время, нам помогали соседи и дети тоже помогали, следили за грудными детьми, когда взрослые уходили на работу.

Но самым памятным остался День Победы — самый радостный день!

Валентин Георгиевич Михайлов

Родился я в Ленинграде на Петроградской стороне. Когда фашисты напали на нашу Родину, мне было 11 лет. Мы, мальчишки, включились добровольно в борьбу за спасение нашего шестиэтажного дома от зажигательных бомб, тем более что стоял он среди таких заводов, как «Арсенал» (военный завод), «Красный выборжец», ТОМЗ (ныне ЛОМО) и других предприятий.

Помню воздушный налёт 7 сентября 1941 года, когда на город были сброшены тысячи «зажигалок» и фугасных бомб. Горел рядом с домом цех станкостроительного завода, были в дыму и пламени Бадаевские склады продовольствия, от чего над городом образовалась тёмная туча.

Затем начался голод. Это страшно вспомнить.

Школа не работала — в ней разместился госпиталь для раненых. В декабре 1941 г., кроме хлеба, по 250 граммов рабочим и 125 граммов — остальным, по карточкам никаких продуктов не выдавали. С января 1942 г., после прокладки Дороги жизни по Ладоге, начали прибавлять выдачу хлеба.

Зима 1941—1942 гг. стояла на редкость суровая. Квартира продувалась и промерзала, дров не хватало. Жгли всё, что горит, включая мебель. Трупы умерших от голода людей можно было встретить на каждой улице.

С приходом весны люди поедали всё, что выросло из земли. Начались кишечные болезни, но горожане не унывали, боролись и выстояли. И даже стали наводить порядок в городе. Ликование было после прорыва блокады в 1943 г., а после ее снятия в январе 1944 г. я был принят в Рижское нахимовское военно-морское училище.

С тех пор по октябрь 1985 г. я находился в рядах Военно-Морского Флота и прошёл путь до командира атомной подводной лодки.

Окончил службу в Сосновом Бору в должности начальника учебного отдела учебного центра. А затем, с октября 1987 г., работал на Ленинградской атомной станции.

Галина Николаевна Попова

Я родилась 4 апреля 1938 года в городе Ломоносов. Когда началась война, отец ушел на фронт, а мама с тремя детьми осталась дома. Мы часто оставались дома одни, так как все женщины уходили рыть траншеи, окопы. Старший брат, которому было 8 лет, следил за нами. Однажды в наш дом попал снаряд. Нас вытащили из-под обломков. Но маму контузило, и у нее стало постоянно трястись голова. Тогда было трудное время.

Еды почти не было. Мы ходили собирать мороженую картошку и пекли из нее лепешки, нам даже приходилось есть мясо собак и кошек.

Во время войны погибло много народу, гибли не только люди, но и лошади. Наша мама ходила пешком за мясом убитых лошадей, чтобы прокормить нас. Мама уходила на работу, детям оставляла небольшой кусочек хлеба. Мой брат весь хлеб отдавал мне и сестренке. Он самый первый умер от голода. Мы жили в разбитом доме, где было очень холодно и водилось много крыс. Когда мама вернулась, я сидела около умершего брата и отгоняла голодных крыс. В 1944 году нас эвакуировали в Сибирь. Поезда обстреливали с самолетов. Люди гибли от голода и полученных ран. В поезде умерла младшая сестра, и я осталась у мамы одна. После окончания войны мы с мамой вернулись в г. Ленинград и жили у маминой сестры.

Наш отец воевал у деревни Керново, защищал реку Воронку. Отец вернулся с фронта с заслуженными наградами. Вскоре отец устроился на работу в г. Ломоносов, и там нам дали комнату. В мирное время отец рассказывал о том, как он воевал, как на его глазах погибали товарищи. Отца приглашали в школу рассказывать о событиях, которые происходили в годы войны.

В девять лет я пошла в школу, а в 15 лет уже устроилась на работу, так как нашей семье было тяжело прокормиться. Работала я на часовом заводе, а училась в вечерней

школе. Немного позже у мамы родилась дочь, моя сестренка.

Когда мне исполнилось 19 лет, я вышла замуж и позднее уехала с мужем жить в поселок Сосновый Бор. Жили мы в бараке на Временном поселке. В 1963 году я пошла работать в ясли няней. В 1971 году устроилась в СУС маляром. С 1984 до 1997 года я работала маляром на ЛАЭС. В 1997 году уволилась с работы в связи с уходом на пенсию.

Леонид Александрович Потокин

Я, Потокин Леонид Александрович, родился 24 июня 1937 г. в селе Мурино Всеволожского района Ленинградской области (сейчас метро Комсомольская). До войны у нас в семье было два брата и сестра. Отец работал там же в пожарном депо, мать была домохозяйкой. Сразу же в начале войны ко многим, в том числе и к нам, поселили переселенцев с Карельского перешейка. С начала блокады держались запасами с огорода, родители делились с переселенцами, затем вновь перекапывали огороды и подвалы, чтобы найти из прошлых урожаев немного картофеля. Выручал отцовский паек (отходы от мукомольного производства), который выдавался на пожарных лошадей и работающих в пождепо. Отходы были в виде трухи с остатками зерна, пыли, мышиного помета и мешковины, который перебирали, а затем мать пекла из них лепешки (мы называли их «бабашечками»). Духовку с ними надо было сторожить, т. к. переселенцы были такими же голодными. Недосмотрев, мы лишились «бабашечек», лишились и кота Васьки, который ушел у них в котел, да и в селе не стало кошек и собак. Рядом с домом было кладбище, поросшее со снами. Под их прикрытием стояла зенитная батарея, которая регулярно обстреливала и подбивала немецкие самолеты. От выстрелов зениток в доме звенели стекла и дрожала земля. Иногда нам, детям, от солдат доставался котелок каши. С весной было уже легче (крапива, щавель, лебеда) и «бабашечек» уже было больше. Так мы все и выжили.

Я закончил десятилетку, ПТУ-9 при заводе Карла Маркса, отслужил в армии радистом, работал в ГИПХЕ электрослесарем, радистом в экспедиции, вновь в ГИПХЕ, а с апреля 1976 г. — на ЛАЭС в цехе ТАИ, также электрослесарем, где и работаю до сих пор.

Алевтина Александровна Рачинская

Я родилась и жила в пригороде Ленинграда и помню дни блокады. Осенью 1941 г. пришли к нам военные и сказали, что надо идти копать окопы. Этим мы и занимались под падающими с немецких самолетов бомбами. Немцы бомбили Ленинград, все кругом

горело. В домах не стало электричества. Уже зимой не стало воды. Мы разогревали снег и пили эту воду. Дров не было. Сожгли все табуретки и стулья. Мама продолжала работать. Домой она приходила только тогда, когда хлеб давали. Она приносила этот

кусочек нам, детям. Нас было трое. Мне – 13 лет, брату – 10, сестренке – 4 года.

Было холодно и голодно. Люди уже умирали от голода. Очень много людей погибло: через 100–200 метров на улице лежал мертвый человек.

В январе 1942 г. мы с мамой, братом и сестрой ехали через Ладогу на машине до г. Тихвина. Там нас погрузили в товарные вагоны, в которых были нары и «буржуйки» (печки). По дороге многие умерли. В том числе мои дядя, тетя, двоюродная сестра. Мертвых из вагона вынесли. Где их похоронили — не знаем. В апреле мы, все больные, приехали в Сибирь. Маму положили в больницу. Мы остались одни. Я пошла на работу, чтобы прокормить семью. Мама долго болела и умерла, как и сестра в Сибири. Учиться нам с братом не пришлось.

Мы много работали. Теперь и брат умер. Я пережила всех. Пока живу.

Вера Михайловна Сальникова

В связи с серьезной болезнью мамы после моего рождения я в октябре 1935 года была отдана двум ее сестрам и бабушке, которые жили в Ленинграде, в доме 8 по ул. Конной, в районе Старо-Невского. Одна тётя — медик — работала в стоматологической поликлинике на Невском пр., д. 46, другая — в

Ленэнерго рядом с Марсовым полем.

В 1939 г. меня отдали в детский сад Ленэнерго. Летом детей вывозили за город. Дача нашего детсада располагалась на берегу Финского залива в г. Террийоки (Зеленогорск).

В июне 1941 г. война как раз и застала меня там. Под покровом ночи детей вернули в Ленинград и разместили в бомбоубежище здания Лен-энерго, предупредив родителей о возвращении детей. А в это время работников Ленэнерго отправили под Лугу копать противотанковые рвы, там была и моя тётя.

В июле 1941 г. бабушка отвезла меня к маме в Малую Вишеру. Там я с младшей сестрой посещала детсад стекольного завода — это было одноэтажное деревянное здание.

Война всё ближе подходила к городу, бомбёжки становились все чаще. Однажды в “тихий час” детей разбудили взрывы и вой летящих бомб. В нашей группе дети были постарше, шестилетние, поэтому они начали

выносить детей младшего возраста из здания в землянки, вырытые во дворе детсада. А кругом все свистело, гремело, горело, стоял вой самолётов, пролетающих над нашими головами. Было страшно поднять голову и посмотреть на небо. Не напрасно теперь мы желаем “чистого неба над головой”...

Когда враг совсем близко подошел к городу, родители решили, что для меня безопасней быть у бабушки. Так я снова оказалась в Ленинграде. Вместе с бабушкой ходила отovarивать продуктовые карточки. Иногда прямо в магазине нас заставлял сигнал воздушной тревоги, и тогда на улицу никого не выпускали.

Потом было принято решение детей детсада Ленэнерго эвакуировать в г. Челябинск. В день отправления меня провожала тётя, вернувшаяся с рытья окопов последним поездом в Ленинград. Перед самым отправлением она прямо из вагона буквально силой отобрала меня у воспитательницы. Так я осталась в Ленинграде. А этот поезд с детьми, как стало известно позднее, разбомбила немецкая авиация.

Когда Ленэнерго прекратило работу, тётя дежурила днём и ночью. Я очень просила её взять меня с собой. Однажды она привела меня на чердак — там стояли ящики с песком, бочки с водой. Смотреть на город с крыши дома было страшно...

Тётя-медик работала в госпитале, оборудованном в помещении стоматологической поликлиники. Пока были силы, я ходила туда и видела военных с разными ранениями лица. Они с удовольствием со мной разговаривали, кто, конечно, мог говорить, кто не мог — гладил меня по голове. Ребёнок в госпитале — это моральная разгрузка раненого человека. У одного военного был фотоаппарат. Он поставил меня на стул, рядом посадил большого кота, которого я очень боялась, и сфотографировал.

Поскольку голод уже стал реальностью, то посещение госпиталя всё-таки спасало от полного истощения, но скоро не стало сил ходить и туда, а тётя приходила домой очень редко.

Оставаясь ночами с бабушкой, мы с ней не всегда уходили в бомбоубежище при

объявлении воздушной тревоги. Очень сильно врезалась в память одна из этих ночных тревог. Наш семиэтажный дом несколько раз качнулся, и мы с бабушкой всё-таки спустились в убежище. Днём мы с ней вышли на улицу и увидели, что соседний дом весь разрушен, а наш уцелел.

За водой тётки ходили (и я с ними несколько раз) к Александро-Невской лавре, там был небольшой канал. А что приходилось есть — нет слов: разные клейкие “студни” и вещества. Хлеба 125 граммов, и того часто не было. В эту холодную зиму я научилась пилить дрова — в доме было печное отопление, затем туда же перепилили и всю мебель (она из красного дерева была сделана).

Зима 1941 – 1942 гг. была лютая. Меня укутали в кучу тряпок, чтобы я не замерзла. Бабушка уже не могла ходить, мы с ней лишь переговаривались иногда. И вот стало тихо: 31 января 1942 г. бабушка умерла. Но сразу не могли её увезти, некому было. Когда тётка-медик пришла домой, мы завернули бабушку в простыни и на моих санках с трудом увезли. Похоронена бабушка на Охтинском кладбище в братской могиле.

Наступил март 1942 года. Самое страшное, голодное, холодное время прошло. По Дороге жизни стали подвозить продукты. Но здоровье было сильно подорвано. Началась дистрофия, а у тётки еще и цинга. Весной и летом мы радовались любой травке — это было и питание, и лечение. Но здоровье не улучшалось. И вот в конце августа мы эвакуировались. Уезжали с Финляндского вокзала. Три дня фашисты не пропускали поезда до станции Осиновец, откуда начиналась Дорога жизни.

Прибыв к Ладожскому озеру, мы погрузились на баржи. Наверху разместили людей, в трюмах — вещи. Наша баржа удачно прошла по озеру. А вот другой барже не повезло — в неё попала бомба. Зрелище страшное и незабываемое. После выгрузки с баржи нас отправили в товарных вагонах в сторону Сибири.

Довезли до ст. Купчино, что в 400-х км от Новосибирска. Там я и пошла в 1-й класс. Зима была очень холодная. Мы мёрзли, так как не было тёплой одежды (утопили при выгрузке на Ладоге). В конце лета 1943 г. мы уехали в г. Краснодар. Проехали мы через всю Среднюю Азию, переправились через Каспийское море, через г. Баку и наконец — г. Краснодар.

Так как тётя была медработником, её направили в станицу Приморско-Ахтарскую (г. Ахтарск). Там мы прожили до 1947 г. Тётя—медик умерла, а другая решила отправить меня на Урал к моим родителям. Ехали через Сталинград, который был весь разрушен. Я до сих пор не могу осознать, как же наш народ всё это пережил, восстановил.

Живя с родителями, я закончила 7 классов, потом техникум при Уралмашзаводе, и в 1954 г. была направлена на работу в г. Ленинград. Так я вернулась на свою родную, многострадальную землю, любимую мною.

На ЛАЭС я отработала 26 лет.

Евгения Ивановна Симульман

Я родилась и проживала в Калище, где сейчас находится рыбозавод.

Как сейчас помню и сколько буду жить, никогда не забуду те голодные, холодные и страшные годы. Мне было 12 лет, брату — 16, тогда к нам ходил бронепоезд обстреливать передовую, т.е. реку Воронка. Мама работала в оборонке. Из леса на лошадиных санях вместе с братом возила дрова к бронепоезду, чтобы сделать норму и получить талон на 400 граммов хлеба и тарелку супа, которую разводили на три тарелки, а потом я просила облизать котелок. Я ходила с котелком на солдатскую кухню, где получали паек солдаты, стояла в уголке и просила: «Дяденька, налейте немножко», хотя знала, что им тоже давали мало. Им еще надо было нас защищать, немец-то был рядом.

Не умолкали взрывы из дальнобойных орудий и бомбежки. В общем, жили мы на пороховой бочке. Ложились спать все трое, мама говорила: «Убьют, так всех вместе». Одним словом, в семье нас было четверо, а осталась я одна — отец и брат погибли на фронте, а мама умерла с голоду в 1942 году.

И начались тяжелые военные и послевоенные годы, надо было восстанавливать страну. В 16 лет я уже работала на лесозаготовке, да где только не приходилось работать, но все пережито.

На ЛАЭС я отработала 18 лет.

Зоя Ивановна Солянова

Когда началась Великая Отечественная война — 22 июня 1941 года, мы жили в деревне Старое Калище — в доме у бабушки Сер-

геевой Анны Андреевны. Семья наша состояла из пяти человек: мама и нас четверо детей-девочек. Старшей сестре было 13 лет, другим 11 и 10, мне, самой младшей, 6 лет.

О начале войны мы узнали в первый день — 22 июня 1941 года. Уже в начале июля к нам в деревню приехало много молодых людей и девушек, которые работали на оборонительных сооружениях — рыли по правому берегу реки Коваш противотанковые рвы. Это — последний рубеж, чтобы удержать немецких оккупантов, так говорили

военные. Нам, гражданским жителям, приказали сделать блиндажи, и уже в июле мы их вырыли в огороде за сараем, сделали из брёвен покрытие, затем засыпали землёй и сверху обложили дёрном. Но в этом блиндаже нам пришлось прятаться недолго, не

больше, чем раз пять, так как стали появляться немецкие бомбардировщики и уже в конце июля 1941 года в районе станции Калище была сброшена первая бомба. Окна, т.е. стёкла, мы заклеивали газетной бумагой, чтобы они меньше разбивались. Затем в августе 1941 года были сброшены еще две бомбы в том месте, где сейчас находится фирма «Роса» — это между ст. Калище и д. Новое Калище.

29 августа 1941 г., мама, придя с работы (она работала в деревне Устье на пункте в коптильном цехе), сказала, что нас эвакуируют 31 августа. В этот день мы все должны были прийти в д. Устье. Но из своей деревни, Старое Калище, мы ушли уже 30 августа где-то в два часа дня. С собой, как нам

сказали, можно было взять не больше 16 кг на человека, да и разве могли столько взять и нести на себе дети?

Когда мы пришли в указанное место, оказалось, что уже все работники предприятия «Ленрыба» были эвакуированы 30 августа с утра. Остались мы, две семьи — это Тимофеева Клавдия Федоровна с тремя детьми и мы пятеро.

Так мы оказались в д. Устье, где не было ни сельсовета, ни школы, ни магазина, ни больницы, никаких организаций. В деревне стояли военные, которые жили в землянках, вырытых поблизости в лесу. Также в лесу, недалеко от приёмного пункта около устья реки Коваш, стояла батарея. Мы то уходили на пункт, где жили в рыбацкой будке у проходной, то вновь приходили в деревню и жили в комнате дома, принадлежащего «Ленрыбе». Но в основном до прихода немцев в д. Керново мы находились на пункте, так как в деревне Устье никого гражданских, кроме двух семей, не было.

Наша мама и тетя Клава ходили чистить картошку, мыть посуду на батарею, за это нас кормили, поэтому нельзя сказать, что мы тогда сильно голодали. Да еще мы, когда жили в деревне Старое Калище, сумели насушить сухарей из белого и черного хлеба, обмененного у девушек, трудившихся на оборонных работах (тогда в июле-августе их кормили неплохо) на собранную в лесу чернику.

Однажды уже к вечеру в один из дней до 8 сентября 1941 г. (не помню точно, какое это было число) к нам в будку пришло человек шесть или семь: кто был одет в морскую форму, кто в солдатскую, все мокрые — они переплыли реку Коваш. Нам сказали, что они из 8-й армии, их предал Власов, они убежали и теперь хотят найти своих и снова отправиться на фронт... Спрашивали нас, не знаем ли, где находятся военные? Мы ответили, что не знаем ничего, хотя знали, что рядом стоит батарея. Они нас никуда не отпускали из будки, где находилось нас девять человек да их то ли шестеро, то ли

семеро — точно не помню. Мы спали сидя — кто где сидел, там и уснул, а эти люди спали на полу, они истопили печку, высушили свою одежду, а когда мы проснулись, то уже их никого не было. И до сих пор мы не знаем, действительно это были наши или же немцы, переодетые в форму красноармейцев и моряков. Но ничего плохого никому они не сделали, только никуда из будки нас не выпускали.

И вот однажды утром, может быть, это было 8 сентября 1941 года, когда мы пошли в деревню Устье, встретили там трех военных, которые спросили у нас, кто в деревне: наши или немцы? Но мы и сами не знали, так как накануне здесь шли бои — нам на пункте было хорошо слышны стрельба и грохот, а также мы видели часто полыхавшее зарево. Позже стало известно, что немцев остановили в деревне Керново. И тогда мы перебрались в д. Устье, жили в доме, который принадлежал организации «Ленрыба», т.е. где работали моя мать и тетя Клава. И так мы, две семьи, прожили недолго, в пустые комнаты поселились военные, на втором этаже отдыхали партизаны: то эстонские, то украинские, в общем, одни отдохнут, потом — другие.

Артострелы по деревне Устье начались с октября 1941 года — почти ежедневно и по несколько раз в сутки.

Где-то в конце сентября стало возвращаться и гражданское местное население, те, что раньше ушли жить в лес. В конце этого месяца нам выдали продовольственные карточки, но магазина в д. Устье еще не было, поэтому старшая сестра ходила пешком в Лебяжье и отоваривала карточки. Очень редко, но иногда удавалось доехать туда на машине. В октябре появился все-таки магазин, но хлеб привозили очень редко — положение совсем ухудшилось, хлеб в магазин привозили на саночках из Шепелево и Ковашей. Бывало, что мы не получали хлеба по две недели, жили за счет военных и партизан, правда, эстонские партизаны почти никогда ничего не давали, а вот украинские... эти были попроще, хотя давали крохи, иногда же отдавали очистки от картошки, которые мы варили, пропускали через мясорубку и делали из них котлеты.

Так мы прожили в этом доме до 1942 года. В январе наш дом занял особый отделом, а нас поселили у Лидии Дмитриевны Никитиной, где мы, теперь уже три семьи, прожили до апреля 1942 года, затем нас переселили в дом МПС, а Тимофеевых — в другой. Мама с января 1942 года работала на приемном пункте «Ленрыбы» в Ручьях. В апреле 1942 года мы получили от особого отдела разрешение ходить на болото собирать подснежную клюкву. Ягоды собирала старшая сестра, ей было 14 лет: в лесу лежал снег, под снегом — вода, да и на болоте еще не весь снег растаял. У офицеров меняли клюкву на хлеб, хлеб на махорку солдатам, хотя солдаты сами были голодные.

В конце апреля 1942 года старшую сестру мобилизовали копать целину в Старых Калищах. Норма — одна сотка. Все 14-летние ходили туда работать, старшей у них была Селеверстова Мария Александровна. С мая 1942 года мою сестру и маму мобилизовали на оборонные работы — по 3 августа 1942 года они рыли траншеи в районе деревни Ракопежи и от того места, где сейчас находится УАТ, до деревни Долгово (ныне здесь стоит ЛАЭС).

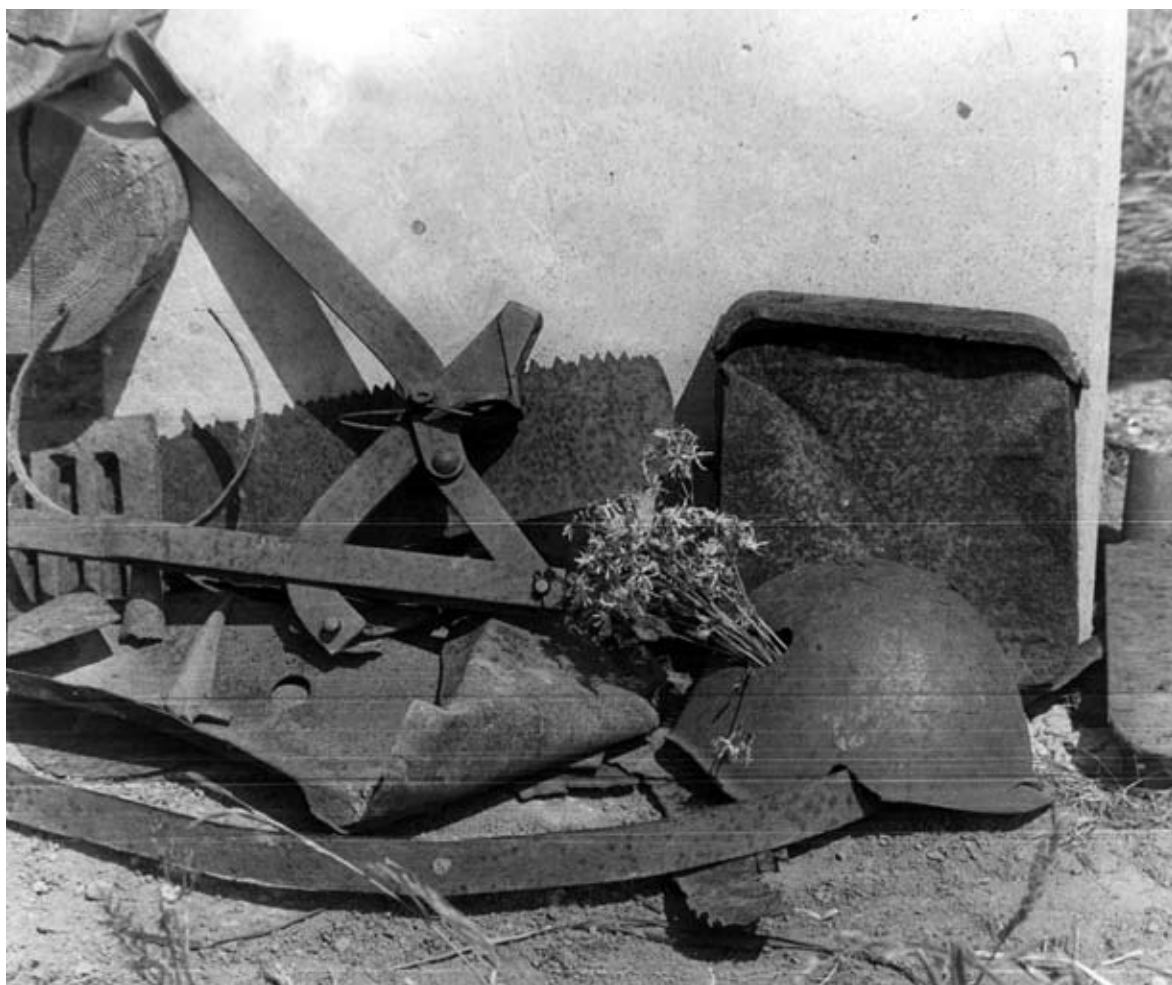
4 августа 1942 года мы эвакуировались и вернулись в родные места лишь 2 сентября 1945 года.

На ЛАЭС отработала 18 лет, общий трудовой стаж 35 лет.

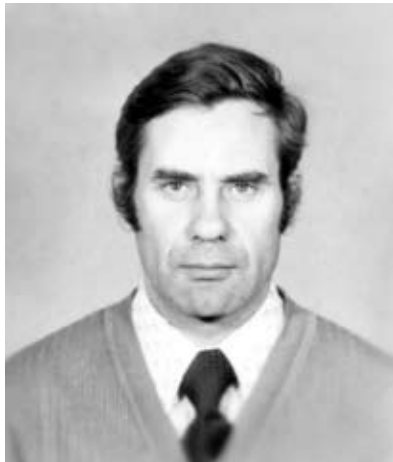
Юрий Иванович Строгий

Родился я 10 февраля 1937 года в г. Ораниенбаум.

Помню, когда началась война, стоял хороший, тёплый день. Но этот день нарушил страшный гул — это летели фашистские самолёты. Мы были дома: мать, брат и я. Мать с ужасом схватилась за голову и заплакала. В городе началась паника. На улицу нас не отпускали, так как уже были слышны разрывы бомб. При каждом налёте приходилось бегать в бомбоубежище. В конце сентября 1941 г. мы переехали в Ленинград, на 12-ю Красноармейскую улицу, там жила бабушка со своей дочерью. И здесь началось такое, что никому не пожелаешь. В день по несколько раз приходилось бегать в убежище. Гулять выходили только ночью, потому что было более спокойно. Запасов продовольствия не было. Стали выдавать по 100 граммов хлеба, если можно назвать это хлебом. Если

не было и этого — выдавали дуранду, которую мать разбивала на мелкие кусочки, и мы с братом старались их сосать. Начались болезни: дистрофия, водянка, стали заедать вши. На своих ногах мы с братом ходить не могли, зубы выпадали без боли. Мама работала: днём убирала покойников с улиц, ночью тушила зажигалки.

Однажды в тёплый летний день она принесла лебеды и крапивы, и пока делала котлеты из лебеды, мы с братом съели крапиву. Когда котлеты, поджаренные на олифе были готовы, мама посадила нас за подоконник, и мы стали кушать... Вдруг раздался мощный взрыв во дворе. Сила ударной волны была такая, что выбило раму, и мы с братом оказались у противоположной стены комнаты с рамой, надетой на нас. Мама схватила нас, окровавленных, с порезами от стёкол и унесла в бомбоубежище. Мы были контужены, потеряли речь. Только через неделю начали понемногу разговаривать, заикаясь. У меня заикание потом прошло, а у брата

осталось на всю жизнь.

Когда открыли Дорогу жизни, нас эвакуировали по Ладожскому озеру, где мы попали под бомбежку. Одна из бомб угодила в нашу баржу, и она стала медленно тонуть. Поднялась паника, люди начали прыгать в холодную воду. Но тут подошли военные катера, и нас перегрузили на них. Были слышны такие команды: «Вещи не брать! Брать только документы! Детей — в первую очередь!» В этой обстановке мы с мамой потерялись и встретились только в пункте назначения на железнодорожной станции.

Про жизнь в эвакуации не описываю, т. к. там были свои мытарства, да и голод нас ещё долго преследовал.

Из Кировской области, где жили до окончания войны, мы вернулись в Ораниенбаум. В Ленинград возвращаться не захотели.

В Сосновом Бору работал в строительных организациях, на ЛАЭС отработал пять лет, общий трудовой стаж 45 лет.

Федотова Валентина Николаевна

У НАС НЕ БЫЛО ДЕТСТВА, А БЫЛА ВОЙНА

Наша семья до войны жила в деревне Флоревицы, что в 5 км от Копорской крепости. Отец в первые дни войны ушёл добровольцем на фронт. Мама осталась с малолетними детьми и бабушкой. Я в семье была самая младшая. В начале войны мама, собрав ребятшек, вместе с другими жителями деревни ушла в лес. Сестра отца жила в Ленинграде, и мама хотела добраться туда, но мы дошли только до Калищ. Здесь и остались. Поселились в маленькой комнатке двухэтажного дома недалеко от железнодорожной станции. Рядом с крыльцом была вырыта глубокая узкая траншея, куда люди прятались во время бомбёжек.

Маму, как и других женщин, увозили рыть окопы и траншеи, строить оборонительные укрепления на реке Воронка. Её иногда не было несколько дней. За малышами смотрели старшие дети. Хлеба давали очень мало, поэтому все время хотелось есть. Артобстрелы и бомбёжки стали постоянными, но сил спуститься со второго этажа вниз не было, я и бабушка оставались в доме. Однажды авиабомба упала во дворе, но не взорвалась, а только выбила стёкла. От бомбёжек, артобстрелов можно было укрыться, а вот от голода никуда не спрячешься. От голода стали пухнуть. Чтобы заглушить его, много пили воды. Первой умерла бабушка, потом не стало старшего брата. Я думаю, что они спасали нас, маленьких детей, отдавая нам свой хлеб. Это было в конце ноября 1941 года. Мёртвых относили в сарай, находящийся во дворе.

Хорошо помню эвакуацию. Никто из нас уже не ходил. Нас погрузили на машины, потом — на баржи и через Кронштадт привезли в Ленинград, откуда по Ладосе, тоже на барже, под обстрелом вывозили на Большую землю, с которой на поезде в теплушках переправляли в Сибирь. В конце сентября 1942 года мы приехали на станцию Карачи, что под Новосибирском. Пока ехали, для эвакуированных было организовано питание. Мы уже вставали, передвигались по вагону, выходили на остановках дышать воздухом.

Чудеса бывают и на войне. Об отце мы ничего не знали с тех пор как он ушёл на фронт, а когда прибыли в Карачи, встретились с ним: там было озеро, на берегу которого разместился военный госпиталь. Мама устроилась туда работать санитаркой. И именно там лежал мой раненый отец. У него было тяжёлое челюстно-лицевое

А пушки грозные молчат,
Пусть в небе не клубится дым,
Пусть будет небо голубым,
Пусть самолеты по нему
Не пролетают ни к кому,
Не гибнут люди, города —
Мир нужен на земле всегда.

Екатерина Сергеевна Чурина

Родилась 28 июля 1938 года в городе Ленинграде. Отец и мать работали на Ленинградском мясокомбинате. В нашей семье было шестеро детей. Жили мы в Московском районе, на Средней Рогатке, рядом с местом работы родителей.

22 июня 1941 года в первой половине дня по радио объявили, что на нашу Родину напал враг. Дома у нас были одни дети: старшей сестре — 12 лет, младшему брату — 10 месяцев.

Начались частые воздушные тревоги. Старики и дети уходили в бомбоубежища. Родители с утра до вечера рыли окопы. В конце августа 1941 года детей вывезли в г. Пестово Псковской области. Через месяц враг стал бомбить и этот город, поэтому нас снова вернули в Ленинград. А потом мы с мамой эвакуировались на Урал, в деревню

ранение. Только весной 1943 года инвалидом I группы он выписался из госпиталя и стал добиваться выдачи документов, чтобы уехать в Ленинград. Пока едем, говорил отец, немцев разгромят и отбросят от Ленинграда. Так и случилось. С весны 1944 года мы жили уже на Красной Горке, а осенью родились две мои сестрёнки-близнецы.

Я с 1962 года живу в Сосновом Бору. 10 лет работала воспитателем в детском саду рыбзавода, столько же — в д/с №1 СУС и почти 16 лет — в д/с №3 ЛАЭС.

Если меня спросят, чего я больше всего в жизни боюсь — голода. Не дай Бог, чтобы эти ужасы, что пережили мы, повторились когда-нибудь. А чего я больше всего хочу — это мира, чтобы всегда было ясное, чистое небо над головой.

Есть очень хорошее стихотворение у Н. Найденова:

... Пусть пулеметы — не строчат,

Верхополье Молотовского района Кировской области. Добирались мы туда двенадцать суток. Ехали в товарных вагонах, где было очень тесно. Кушать было нечего. Днём составы стояли в тупиках, а ночью ехали. В Вологде встретился состав с красноармейцами, которые дали нам хлеб, тушенку, кипяток.

В деревне, где мы жили, стояло 26 домов, школы не было. Да и носить было нечего, ходили в лаптях или босиком. С питанием тоже было тяжело, поэтому в соседних деревнях просили милостыню, в зимнее время на полях собирали мороженую картошку. Мама ходила за шесть километров на пункт, где заготавливали в сухом виде овощи для фронта.

И так шло время, мы, дети, подрастали. Нам стали давать по 10 кг муки на месяц, из которой делали «болтушку».

Отец погиб в 1942 году под Пулковом. В последнем письме он просил мать выслать ему сухарей. Но так их и не дождался.

В деревни стали возвращаться раненые. И вот пришел долгожданный день 9 Мая! В 1946 году мы вернулись в Ленинград. Дом, где мы жили, был разбит, и военкомат направил нашу семью жить в Тосненский район Ленинградской области. Мы получили продовольственные карточки и 100 рублей денег.

После войны я окончила школу и переехала в Ленинград. 20 лет отработала в ДСК-4. Имею двоих детей. С 1975 года живу в г. Сосновый Бор. Работала в ОРСе, а с 1980 по 1996 годы — на Ленинградской АЭС контролером ВВО. В настоящее время — на пенсии.

Таисия Алексеевна Шишова

Более 50 лет прошло с тех пор как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны, но память возвращает к событиям долгих дней и ночей тяжёлой блокады. Мне было тогда 12 лет.

Особенно мучительно переносились бомбёжки: кругом скрежет, плач, голод и холод. Помню случай, мы с братом Алексеем во время бомбёжки находились на крыше нашего дома (жили мы на ул. Ново-Сивковской, сейчас — это ул. Ивана Черных) в Кировском районе. И видим: снаряд упал прямо в наш дом. Мы побежали по квартирам, снаряд оказался в нашей квартире и застрял под полом туалета, не взорвался, хотя стена обвалилась. После обстрела мы с братом побежали в 14-е отделение милиции, и военные обезвредили снаряд, попавший в нашу квартиру.

Сейчас очень тяжело вспоминать, выжили просто чудом. Мы, дети войны, не ходили, а ползали, нас было трудно узнать, но всё-таки находились силы для поддержки

других людей, старались делать так, чтобы меньше гибло детей и взрослых. Ходили по квартирам, обнаруживали мёртвых и ослабленных, согревали на буржуйках воду и давали ее людям, чтобы согреть их и оживить.

Помню, одна квартира была закрыта на всякий замок, а из квартиры выходил дым. Я испугалась, думала — пожар. Принесла топор и стала вскрывать дверь, ударила топором по большому пальцу левой руки, в горячке не почувствовав боли, открыла дверь. В этой квартире умирала старенькая бабуля, фамилии которой не помню. Когда я вернулась домой, вся рука была в крови, вот тогда я почувствовала сильную боль. Моя бабушка остановила кровь, перевязала мне палец тряпками. Лекарств не было, приложила мочу.

На следующий день у меня повысилась температура до 40 градусов. Пришлось обратиться в госпиталь. Там определили, что рука заражена. Но, к моему счастью, операция оказалась удачной и палец был спасён. Так я попала в госпиталь, где стала помогать раненым, читала и писала им письма, пела песни. Раненые меня прозвали Золушкой. До конца блокады мы с братом вели концерты.

Очень хочу, чтобы добрых ужасов, которых натерпелось моё поколение. Хочу, чтобы мир был для всех людей!

На ЛАЭС я отработала 5 лет, общий стаж 35 лет.

Болгария 10 мая 1945.

Здравствуйте дорогие мамуся, Буся, Ен. Моско
и Карл. Богусович!

Што Вам свой гордый боевой привет и
крепко всех вас люблю!

Поздравляю вас с Великим Праздником -
Днем Победы!

Наступил долгожданный день! Враг-
немец (в который уже раз) - снова посе-
тавлен на камни! Русское оружие,
русская смелость и канючийство - снова
побуждают!

Народ России выкавал нам оружие, а
Великий Сталин благословил его на
Победу ратную! Такое оружие все-
гда приводит к победе!

Губства и слезы радости, перепа-
лыми сердцем! Нет подходящих слов,
передать эти губства!

Всегда в день Праздника, мы все боевые

содратники содрались несвесели много о
прейдешиной нутти побед!

Многих наших друзей не было в нашем
строю, мы на коленях почили их.
Светило тайно! Это были лучшие и
лучших сынов России, они встали свои
жизни за победу, они погибли для того,
что бы мы все могли свободно жить!
Великая иль слава.
Вспомнили свой первый путь от Сталин-
града до высоких Балканских гор.
Долгой, длинной и тяжелейшей путь!
Но тем тяжелее был этот путь, тем
радостнее созидать слово Победа!
Приятно созидать это слово на полях,
где недавно кипели горячие битвы, слово
русские девушки котозимцы проют
свои песни труда и радости.
Там, где недавно фашистские стервят-
ники сбрасывали свой смертоносный
груз на мирные города России - слово
жизни! Слово созидательная и творче-
ская! Слово спокойно поивут наша лодка
и далеко от Родины, но сегодня и вша-
те с Вами подорожие! И обилие
Вас всех всю выжить с Вами свято-
вый крест и чувствую Вашу обаяние!
Вместе с Вами сегодня радуется и см.

- юсь! Скоро увидишь с тобой Радина
мать! Придем в Бавенно, умрем на
Земле Радина покрытую ковром зеленой
травы, прижмемся грудью к ней и поце-
луем. Тот только и манит целить
Радина - который был угнетенной Бело-
-кой битвы за ее спасение!
По нашей земле краше поганый самог
челуца! Мы погубили его проклятого пуда
откуда пришел он навашии!
Тотоя, священшой кровью русских людей
и слезами Вашии амбита земли
Русская! Эти слезы проклятыя - слышите!
Слыше одна мечта - это как одну глазу
взглянуть на край свой родной и обидеть
вас всех крепкими объятьями радости!
Посмотреть на роды Вашии!
Скоро поестути эти сражливные дни!
Дорогая мамуся! Не забудь величии
сегодня твое наущитвие в бой и твое
благословение!
Как браток Микаул? Мы недолю он
причал твоемо. Он по-же едой.
Дорогая мамма! Сегодня величии
твое зовущие, когда направила маме
ты маме в 1941? Не забудь с брагами!
Ты должна наказ не покатит в бою
и быть беспощадным к врагу!
Слушай родная мой отчим! Не подка-
- гай твой стн! Две медали и орден

- вот награда Бровицелесства за мою
работу. Огромная благодарность Велико-
го Маршала Сталина. Твоя и моя
высокая а гестия моя родина!
Да и ты молодец моя старушка!
Ты там в любимом городе Ленин - в
серебряном дни блокады отдавала все сво-
е для победы. За это тебе
также спасибо! Браток так же как
не походил! Пускай примит звать не-
-мелу, что и от нашей семьи, что у ко-
го перемало!

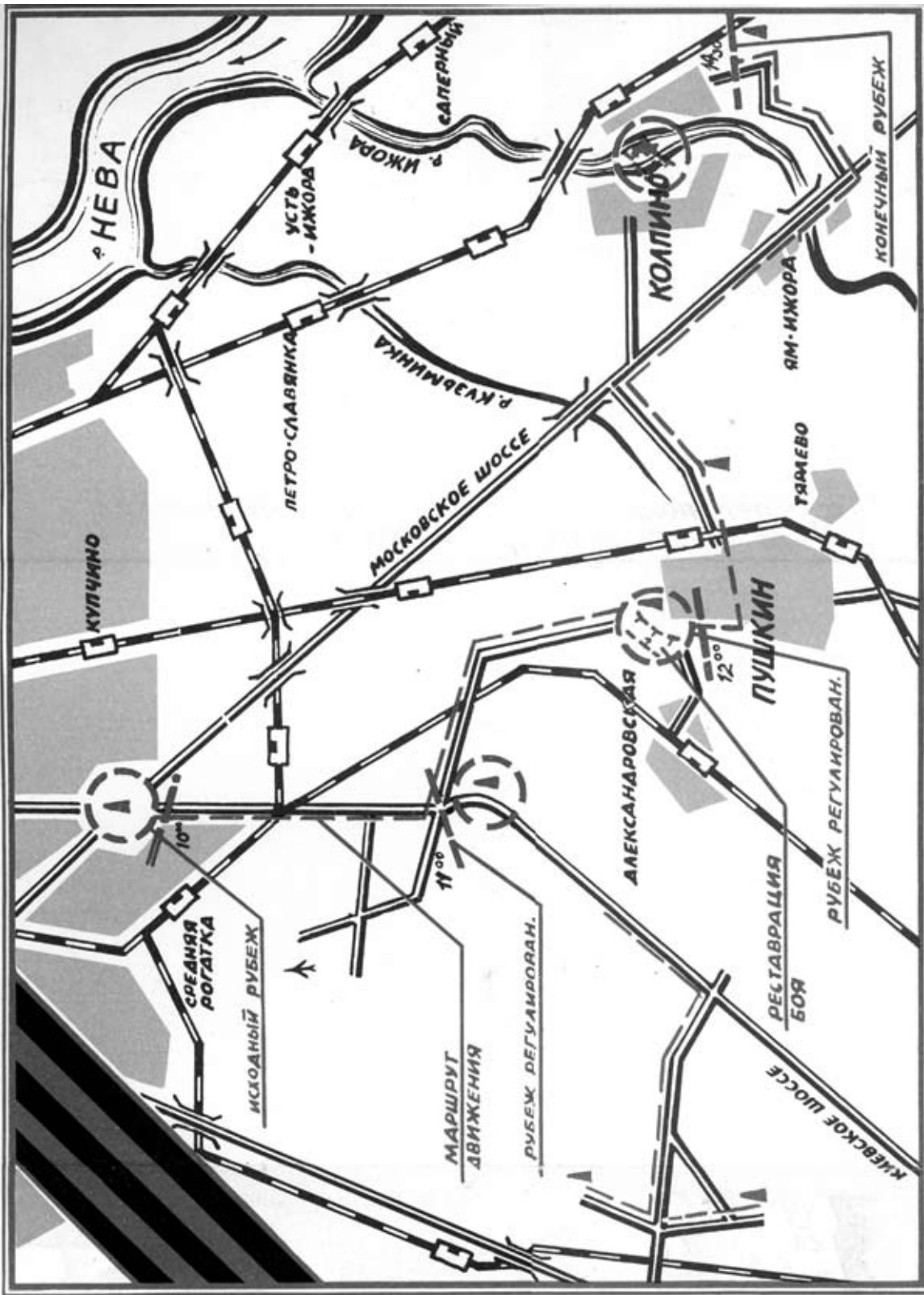
Ну пока все моя родина!
Жду теперь ветрен с тобой и Миком -
-Лену! Жду ветрен с женой и с мамой!
Своей хаткой, друзьями, как прежде
дружбой семьи и вспомнить боевые
годы!

Еще и еще раз целую вас всех!
Привет родным и знакомым!

Люб. тебя твой сын
Димитрий

ВОЕННО - ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОХОД

ПОСВЯЩЕННЫЙ 50-ЛЕТИЮ ПОЛНОГО СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

○ МЕСТА ПРИВАЛОВ
10° ИСХОДНЫЙ / КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ, ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ
— МАРШРУТ ДВИЖЕНИЯ
— РЕСТАВРАЦИЯ БОЯ

Несколько раз в год, в день обороны Ораниенбаумского плацдарма и в годовщину снятия и прорыва блокады ветераны по традиции приезжают на мемориал «Берег мужественных» и возлагают цветы в память о погибших

Ежегодно 9 мая на р. Воронка проходит реконструкция «боя»

АХ, ЭТИ БЕЛЫЕ БЕРЕЗЫ!

Музыка и слова Зинаиды Викторовны Корастыле-

вой

Защитникам Ораниенбаумского плацдарма посвящается.

Была война с врагом жестоким,
Вдовела русская земля,
Скорбели матери и жены —
К ним не вернулись сыновья.

Припев: Ах, эти белые березы!
Воронка — мирная река,
Ты Расскажи потомкам нашим
Правду, ушедшую в века.

Осели старые окопы,
Быльем, травую поросли,
Остался след боев жестоких
Шрамами на лице земли.

Припев: Цветок в пробитой ржавой каске
Польют печальные дожди.
Спят сыновья под обелиском
С тяжелым камнем на груди.

Солдат погибших не поднимешь,
За праздный стол не соберешь,
Друзей со встречей не обнимешь
И песен с ними не споешь.

Припев: А видятся нам неба просинь
И караваны журавлей,
Прощальный вальс багряных листьев
И образ милых матерей.

Мы не забыли, помним свято
Героев павших имена,
Пухом земля, поклон им низкий,
Пусть будет проклята война.

Припев: Ах, эти белые березы!
Вы повидали на веку.
Земля, пропитанная кровью,

Не покорилась ты врагу.
Победный ветер звонким эхом
Аукнется среди берез,
Весной волна игривым смехом
Сердце растрогает до слез.

Припев: Ах, эти белые березы!
Воронка – мирная река,
Храню я горсть землицы русской,

ОГЛАВЛЕНИЕ:

1. Солнцев Владимир Яковлевич	4
2. Корягин Константин Федорович	6
3. Иванов Семён Петрович	7
4. Гашанин Николай Иванович	8
5. Кожемяко Вера Васильевна	10
6. Матвеева Евдокия Павловна	11
7. Шмелёва Хилия Ивановна	12
8. Бароздинов Геннадий Иванович	14
9. Басалаев Олег Николаевич	19
10. Басалаева Тамара Алексеевна	20
11. Белова Лилия Захаровна	21
12. Белов-Беликов Георгий Федорович	22
13. Быстров Николай Михайлович	27
14. Гепперт Юрий Георгиевич	30
15. Знаменская Раиса Павловна	32
16. Зубкова Руфина Сергеевна	32
17. Иванов Георгий Степанович	34
18. Киски Александр Николаевич	

*Центр информации и связей с общественностью Ленин-
градской атомной станции благодарит за сотрудничество
Басалаеву Т. А., Басалаева О. Н., Федотову В. Н.,
Михайлова В. Г., Шишову Т. А., Киски А. Н.*

188540, Россия, Ленинградская область,
г. Сосновый Бор

Ленинградская атомная электростанция
Центр информации и связей с общественностью

www.laes.sbor.ru

E-mail: ciso@laes.sbor.ru

Тел./факс: (812-69) 2-33-78

Отпечано в типографии ЛАЭС, тир. 200, зак. № , 16.11.02 г.